



СЭМЬЮЭЛ М. ЦВЕМЕР
КРЕСТНАЯ СЛАВА

www.muhammadanism.org
December 18, 2006
Russian

(от автора «Размышлений о миссиях со Христом» и пр.)

«МАРШАЛЛ, ОРГАН & СКОТТ, ЛИМИТЕД»
ЛОНДОН И ЭДИНБУРГ

(Английский оригинал подготовлен Muhammadanism.org)
26 декабря 2003 г.

*Изготовлено и напечатано «Хант, Барнард & К°, Лимитед»,
Лондон и Эйлсбери.*



THE GLORY OF THE CROSS

BY

SAMUEL M. ZWEMER

Author of

*"Thinking Missions With Christ,"
etc.*

MARSHALL, ORGAN & SCOTT, LTD.
LONDON AND EDINBURGH

*Made and printed in Great Britain by Hunt, Barnard & Co., Ltd.,
London and Aylesbury.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

КОГДА португальские купцы, следуя по пути своего великого соотечественника, первооткрывателя Васко да Гамы, добрались до южного побережья Китая, они возвели массивный собор. Здание оказалось расположенным на гребне холма, возвышающегося над приморской бухтой. Однако свирепствующие в той местности ураганы оказались настолько сильными, что три века назад это величественное строение не выдержало и рухнуло — весь собор, за исключением фронтальной стены. Этот тяжеловесный фасад остался стоять, подобно некому выдержавшему проверку временем монументу. Высоченным треугольником его вершина врезается в голубое небо. Презрев все обрушивавшиеся на него ливни, удары молний и ураганы, верхушку этих обломков по-прежнему увенчивает массивный бронзовый крест. Посетивший в 1825 году Макао сэр Джон Бауринг, бывший в то время губернатором Гонконга, оказался настолько поражен открывшейся его взору величественной сценой, что сложил ставший впоследствии знаменитым гимн. Вот его начало:

«Возвышается во славе,
Над руинами времен,
Крест Христов, что был навеки
Кровью Спаса освящен».

Имена строителей, возведших этот старинный собор, уже забыты, но символ креста, которым они украсили свое строение в память о Распятом, сохранился до сих пор. Колоссальные изменения происходили и в самом Китае, распались прежние институты, исчезли древние династии правителей, но этот крест все так же стоит. «Огромный обломок стены на затянутой туманом вершине холма; птицы выют гнезда в сохранившихся горгульях устрашающего вида; сквозь зияющие глазницы бывших дверей и окон можно видеть море, горы и небо Китая. Но над всем этим возвышается крест, и запустение благодаря этому превращается в величие». И так было во всех странах, и так было во все времена.

Человек, служащий миссионером среди мусульман (то есть, тех людей, для кого крест Христов является камнем преткновения, и сама идея искупления считается за глупость), вынужден ежедневно подолгу задумываться о тайне Спасения. Ему необходимо сильное убеждение, что именно в этом и заключается весь смысл нашего обращения к мусульманам, и в этом и состоит наша миссия. В этом и кроется секрет энтузиазма подлинных миссионеров.

Ведь если крест Христов и значит хоть что-нибудь для человека, то он, бесспорно, значит и все вообще: он является одновременно и наиболее определяющей реальностью, и наивысшей тайной. И тогда мы начинаем понимать, что все духовное богатство и слава Евангелия концентрируются вокруг креста. Крест является и точкой опоры, и основополагающим смыслом всего Нового Завета. Он служит исключительным символом христианской веры, символом христианства и его путеводной звездой.

Чем дальше неверующие отрицают ключевую роль, решающий характер, который носит распятие, тем больше верующие находят в нем разгадку ко всем тайнам греха и страдания. И мы вновь открываем для себя то значение, что придавали распятию апостолы, когда перечитываем Евангелие вместе с мусульманами. Мы вновь обнаруживаем, что, несмотря на то, что соблазн креста (его оскорбительный характер) существует до сих пор, его магнетическая сила поистине неотразима.

Последующие главы являются результатом моих размышлений о страданиях и страстях нашего Господа, о Его смерти на кресте. Я размышлял об этом, находясь среди людей, которые отрицают как исторический факт распятия, так и необходимость искупительной жертвы. Но мусульмане не одиноки в своем отрицании. Весть о кресте распятия всегда служила предметом для возмущения и воспринималась за оскорбление, и для живущих мудростью мира сего она представляется ненужным излишеством и глупостью. Однако же именно Христос, что был распят на кресте, в конце концов, привлечет к Себе всех людей. Под сенью Его креста мы находим покой и умиротворение. Крестная слава так же реальна, как и связанный с этим крестом позор; когда мы начинаем размышлять о позоре, пред нами раскрывается слава. Понятие «крест» означает и грех, и праведность, и любовь. Здесь и сила Божия, здесь и Его мудрость. Тень от креста — самая длинная из всех теней на свете, поскольку она падает даже на утро воскресения. «...Он показал им руки и ребра Свои». Показывал ли Он их Вам? И обрадовались тогда Его ученики, узрев шрамы на теле своего воскресшего Господа. Ученики обрадовались, увидев Господа. «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира».

«Жил-был в Вифлееме рыцарь благородный,
Все его богатство — слезы, да печаль,
Ягнята безобидные — Его оруженосцы,
И воробьи служили герольдами Ему.
Простой крест деревянный — жилище вместо замка,
Когда на нем повис Он, корону получил.
Из терна та корона, Ему наместо шлема,
Колочки ж той короны достали до небес».

Сэмьюэл М. ЦВЕМЕР.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦЫ ОРИГИНАЛА
I.— «Первоначально... Христос умер»	11
II.— «Не хитросплетенным басням последуя»	23
III.— «И закрыли Ему лицо...»	35
IV.— «И связав Его... били Его»	47
V.— «Взяли одежды Его и разделили»	61
VI.— «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты?...»	71
VII.— «Сей есть Агнец Божий!»	81
VIII.— «Они... распяли Господа славы»	95
IX.— «Он показал им руки Свои»	109
X.— «Сила Его воскресения»	119

ГЛАВА I

«ПЕРВОНАЧАЛЬНО... ХРИСТОС УМЕР»

«Поскольку существует лишь Один Единственный Бог, то может быть лишь одно единственное Евангелие. Если Бог действительно совершил во Христе что-то такое, от чего всецело зависит спасение этого мира, и если Он дал нам знать об этом, тогда долгом христианина является быть нетерпимым ко всему, что игнорирует, отрицает или объясняет это каким-либо иным образом. Тот человек, кто извращает эту истину, оказывается наизлейшим врагом Бога и людей; и вовсе не раздражительным характером и не узостью мышления Св. Павла объясняется страстность его проповеди (Галатам, i. 8), но это ревность по Богу, которая в душе, искупленной к жизни благодаря смерти Христовой, воспламенила соответствующую ревность и по своему Спасителю. Подобного рода нетерпимость является неотъемлемым элементом в подлинной религии. Нетерпимость в этом смысле имеет себе эквивалент в постижении истины: лишь тогда, когда мы располагаем лишь одной-единственной Благой Вестью, и только тогда, мы действительно располагаем благой вестью».

ДЖЕЙМС ДЕННИ, «Смерть Христа».

«ИБО Я ПЕРВОНАЧАЛЬНО преподавал вам, — пишет Св. Павел в своем Первом Послании Церкви в Коринфе, — что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию». Внимательный читатель не преминет узреть из контекста (это прекрасно видно на примере перевода д-ра Моффатта), что эта мысль является основополагающей в посланиях Павла, она — центр его учения, его основная и единственная Благой Весть. В упомянутом мною переводе слово «евангелие» повторяется четыре раза там, где апостол разъясняет нам, в чем именно состоит эта «благая весть». Павел говорит нам, что получил он эту весть не напрямую от кого-либо из членов изначальной церкви, но благодаря непосредственному откровению от Бога (Галатам i. 15-19). Таким образом, эта церковь, точно так же как и сам Павел, верила в то, что самой первой и основополагающей истиной христианства является смерть Христа ради наших грехов. И Павлу эта истина была открыта спустя семь лет — а, согласно, иным хронологиям, даже спустя более короткий промежуток времени — после смерти Иисуса.

Греческое слово, переведенное как «первоначально», можно истолковать также как «прежде всего остального», или же, как нечто, предшествующее полной истине. Подобная фраза используется в том месте Септуагинты, где Иаков ставит служанок и детей «впереди» (Бытие xxxiii. 2), а также там, где Давид обещает хорошее вознаграждение тому, кто «поразит иевусеев первым» (2 Царств v. 8, по тексту Септуагинты).

Факт смерти Христа на кресте для Павла имеет первостепенное значение, он является для апостола самым важным предметом его веры. Это —

фундаментальная истина. Это — краеугольный камень ковчега веры, тот первый камень, что заложен в основание всего храма истины. О том, что это так, нам свидетельствует совершенно очевидный факт: то, какое большое место отведено смерти Христа и в Священном Писании, и в посланиях апостолов, и в литургии двух церковных таинств, что присутствуют в богослужениях всех ответвлений христианской религии, и в христианских церковных песнопениях — как ранних, так и более поздних. Совокупность этих доказательств просто ошеломляет. Крест служит не только универсальным символом христианства, но и его универсальным и безошибочным посланием к человечеству. Он является самым центром Евангелия: Слова быстрого и могущественного, которое острее меча обоюдоостро; ибо ничто так не убеждает в грехе, как крест. Там, мы оказываемся в состоянии увидеть «наши тайные грехи во свете пристального взгляда Того», чьи глаза сияют, напоминая языки пламени. Посмотрите, как некогда излил свою душу в личном раскаянии перед распятием епископ Ланселот Эндрюз:

«О, Ты, Что снизошел, чтоб вместо славы
Глава Твоя под ударами склонилась,
Прости мне то, в чем согрешил я из-за чувств, что в голове моей;
Ты, Чьи святые руки пришлось пронзить гвоздями,
Прости мне то, что сотворил я по ошибке,
Прикосновеньем грешным или деяньем зла;
Ты, Чьи блаженны ребра оружие обнажило,
Прости мне то, что оскорбил я
В пылу эмоций мыслью беззаконной;
Ты, Чьи блаженны ноги раскололи —
Прости же мне все то, что натворил
Я по причине ног моих, на зло столь скорых;
Ты, Чье святое тело на столбе распяли,
Прости мне прегрешенья, в чем вина
Всех членов моего грешного тела!
Ведь, Господи! И я сражен до сердца,
Не только множеством моих глубоких ран,
Но милостью Твоей, что исцеляет!»

Крест Христов служит у Бога своеобразным поисковым маяком. Он раскрывает нам Божию любовь, одновременно проливая свет на человеческие грехи. С его помощью мы видим силу Бога и беспомощность человека; Божию святость и человеческую нечистоту. Подобно тому, как алтарь и искупительная жертва во времена Ветхого Завета являются вещами «прежде всего», так крест и искупление — вещи «прежде всего» в Новом Завете. Из каждой точки даже самой огромной окружности ведет прямая линия точно в ее середину. Точно также и учения Ветхого и Нового Завета о спасении! Как бы велика и всеобъемлюща ни была их «окружность», сколько бы новых душ и новых обществ она ни охватывала, пускай даже новые небеса и новую землю, мы с легкостью проводим прямую к центру всего сущего: тому благословенному Агнцу, что был заклан прежде основания нашего мира.

Давайте подумаем, какое место в Новом Завете отведено рассказу о распятии Иисуса. Об этом событии упоминается в каждой из книг этой части Библии, за исключением трех коротких посланий: Филимону, и второго и третьего посланий апостола Иоанна. «Синоптические» (схожие по характеру) евангелия посвящают распятию больше места в пропорциональном отношении, чем какому-либо иному событию из жизни Христа или какому-либо Его отдельному учению. У апостола Матфея в его Евангелии (если даже не считать тех отрывков, где смерть Христа напрямую предсказывается) отведено этой трагедии две полные главы, весьма длинные, вместе состоящие из ста сорока одного стиха. У Марка этот же рассказ излагается на протяжении ста девятнадцати стихов: это две полные главы, причем они длиннее всех остальных, если посмотреть на все шестнадцать глав его Евангелия. И у Луки в его повествовании отведено две длинные главы под описание того, как Христос был схвачен и распят. В Евангелии от Иоанна более половины всего текста имеет непосредственное отношение к событиям страстной недели, во время которой и был распят Иисус.

Собранное в книге Деяний святых апостолов духовное поучение полностью отталкивается от факта смерти и воскресения нашего Господа. Это и есть «Благая Весть», хорошая новость. Христос «явил Себя живым, по страдании Своем» (i. 3). Кульминацией проповеди апостола Петра во время праздника Пятидесятницы становится напоминание об Иисусе: «Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили... Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли» (Деян. ii. 36). И вновь, позднее, во храме, Петр повторяет свое обращение: «...Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу, а Начальника жизни убили». «Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил», — предупреждает Св. Петр, — «Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, к вам первым послал Его благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших... Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели» (Деян. iii. 18, 26). На следующий день апостол возвращается все к той же мысли: «...Да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав» (iv. 10). Во время самой первой ритуальной молитвы ранней церкви (Деян. iv. 27), Петр, обращаясь к Богу, опять напоминает нам о страданиях и смерти «Святаго Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою». Результатом проповеди Петра стало его обвинение со стороны иудеев, выраженное в таких словах, что не оставляют никакого сомнения относительно всего ее содержания: «...Вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека» (v. 28). Однако апостол отвечает им на это: «Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя!» И блистательная речь Св. Стефана в свою защиту приходит к эффектной концовке, где говорится о смерти Иисуса, что приводит самого Стефана к скорой мученической гибели (Деян. vii. 51-54). Подобным же образом и Филипп отверзает свои уста и, начав свой рассказ с пятьдесят третьей главы пророка Исаии, проповедует евнуху-эфиоплянину на тему смерти Христа, используя именно это событие в качестве доброй вести (viii. 35).

Римскому сотнику Корнилию рассказывают все о том же: «И... наконец Его убили, повесив на древе. Сего Бог воскресил в третий день» (х. 40). И апостол Павел в Антиохии рассказывает людям об Иисусе, «страдавшем при Понтии Пилате, распятом, умершем и погребенном, ...воскресшем в третий день из мертвых» (Деяния хііі. 28, 29, автор цитирует по Символу веры). В Фессалониках Павел на протяжении трех недель на субботних встречах «открывал и доказывал» местным жителям из ветхозаветных Писаний, «...что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых» (Деян. хvіі. 3). Находясь в Афинах, апостол Павел проповедует своим слушателям смерть и воскресение Христа (хvіі. 31); в Коринфе он заявляет, что «рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого». В качестве синонима для понятия «евангелие», «благая весть», Павел использовал выражение «слово о кресте» (1 Коринфянам, і. 18) или же «слово примирения» (2 Коринфянам, v. 19). Римлянин Фест описал обращение Павла к людям, как рассказ «о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив» (Деян. ххv. 19). В свою очередь, в своей защитительной речи перед Фестом апостол Павел подчеркивает, что он не и не имеет ввиду ничего иного, но: «Я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, *то есть* что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам» (Деян. ххvі. 22, 23).

В посланиях Святого Павла нас ошеломляет то богатство свидетельств и множество доказательств очевидности того, что основной мыслью апостола является именно крест и искупление. Причем, он уже проповедовал на протяжении пятнадцати лет, неся людям эту благую весть, до того, как было написано какое-либо из его посланий, включенных в канон Нового Завета. И в отношении этой его мысли мы не замечаем ни малейшего изменения, ни смещения акцентов: ранние послания апостола идентичны более поздним его письмам. Это — суть его писем, как римлянам, так и фессалоникийцам. В своем вступлении в Послании к галатийским церквам Св. Павел напоминает, что Иисус Христос «отдал Себя Самого за грехи наши», и, спустя несколько строчек, следует взрыв эмоций: «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема». То, что именно Голгофа, а не Вифлеем является фокусом посланий этого апостола, очевидно из всего, им написанного. Само по себе воплощение Иисуса совершилось для того, чтобы стало возможным искупление. Крест является наивысшей и наиглавнейшей целью как для Бога, так и для человека, и для всей вселенной. «Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых». «Кто осуждает? Христос Иисус умер, [но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас]». «Мы проповедуем Христа распятого, ...потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков». «...Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею». Обращаясь к христианам, когда те пьют из чаши [причастия], апостол Павел говорит им: «...Смерть Господню возвещаете, доколе Он придет». «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира». Христос является Тем «...Возлюбленным [Сыном Божиим], в Котором мы имеем искупление Кровию Его [и прощение грехов]». Именно в этом и заключается великая тайна

всех веков, вся многообразная премудрость Божия, которой должно раскрываться властям и начальникам посредством Церкви. Для те же, кто является «врагами **сего креста Христова**», восклицает со слезами апостол Павел, «слава их — в сраме», а «их конец — погибель». Абсолютно во всех аспектах Христу должно отдаваться первенство, поскольку Он является нашим искуплением, и в Нем — прощение за наши грехи (Колоссянам, i. 18), благодаря пролитой Им крови на кресте. Его крест служит центром вселенной и истории. «И Он есть глава тела Церкви; Он — начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное» (Колоссянам i. 20).

Главная мысль Послания Евреям о смерти Христа (где Он Сам предстает читателю одновременно и священником, и жертвою, и алтарем) настолько всем очевидна, что нам нечего добавить. Здесь Он — великий первосвященник, Который «однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею». Кровь, пролитая Иисусом, является кровью Завета. Иисус служит и для зарождения нашей веры, и для окончательного ее совершенства, поскольку Он пострадал на кресте. Его кровь кропления говорит за себя лучше, чем кровь Авеля: ведь это кровь вечного завета Божия, пролитая величайшим Пастырем за Своих овец.

Послания Св. Петра являются отражением ранних проповедей этого апостола, и в них мы находим множество ссылок на страдания Христа, Который «...грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, [дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды:] ранами Его вы исцелились» (1 Петра, ii. 24). Необходимо заметить, что и в посланиях апостола Иоанна, и в Откровении, тема креста и распятия продолжает превалировать. Благодаря принесенной Им жертве, Иисус Христос «...есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за *грехи* всего мира». «...Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев». «...Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею... [и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему,] слава и держава во веки веков, аминь». «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его...»

В обоих из тех двух священных таинств, что признаются церквями и Востока, и Запада, содержится прямое указание на смерть Христа, которую Он принял за наши грехи. Это совершенно очевидно не только из слов, которыми эти таинства утверждаются в Новом Завете, но и из того множества литургий, во время которых обычно отправляются обряды совершения этих таинств. И здесь, опять же, мы смело можем утверждать, что «прежде всего» эти таинства говорят нам об искупительной смерти Христа. Крещение служит обрядом, согласно которому человек принимается в ряды христианской церкви. Нигде в Новом Завете не говорится о некрещеных христианах, и все верующие ранней христианской эпохи прекрасно понимали, что подразумевал апостол Павел, когда он писал: «...[Все мы], крестившиеся [во Христа Иисуса], в смерть Его крестились?» Отпущение грехов и обряд крещения в их понимании были тесно связаны с той водою и той кровью, что излились из раненного бока Христа. Оба священных таинства были

предназначены для того, чтобы заключить суть Евангелия в безошибочно воспринимаемый всеми символизм. Все то время, что эти таинства занимают свое место в жизни церкви, они являются, несмотря на то, что было примешано к ним излишней обрядностью и людским суеверием, свидетельством спасительной значительности смерти Христа, свидетельством ее заместительной силы, ее необходимости и ее определяющего характера. Члены первой христианской церкви «...постоянно пребывали в [учении Апостолов, в общении и] преломлении хлеба [и в молитвах]», поскольку именно таким образом они желали возвестить смерть Христову и прощение грехов посредством Его крови. Это и «приобщение Крови Христовой», и «приобщение Тела Христового» (1 Кор. х. 16), «напоение Его Духом» (1 Кор. хii. 13), «оставление грехов» (Матф. хxvi. 28), «стирание долгов» (Кол. ii. 14), «очищение [совести нашей от мертвых дел] от всякой скверны» (Евреям ix. 14). И это делало обряд хлебопреломления столь прекрасным для первой церкви, и делает для всех церквей на протяжении девятнадцати столетий.

И когда мы переводим свой взор с литургии к гимнологии, к христианским гимнам, мы встречаемся с тем же самым свидетельством. В самых ранних песнопениях на латыни или греческом, как и в гимнах христиан-коптов Египта или Церкви Армении, как позднее в гимнах церковей Реформации, крест везде «на первом месте», а страсти нашего Господа служат предметом воодушевления паствы. Именно в песнопениях христиан мы находим то единство и глубину теологии, которые порой отсутствуют даже в различных символах вероисповеданий.

«Достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение!» Этот Агнец находится в самом центре трона. И голоса всех творений Божиих сливаются в потрясающем припеве «Аллелуйя!»

Во многих странах и на многих языках малые дети поют слова, являющиеся самой сердцевиной Евангелия:

«Смертью любящий Иисус,
Дверь открыл мне в небеса.
Грех он мой омоет прочь,
Чтоб пришло к Нему дитя!»

Здесь тот же самый смысл, который величайший мистик, Святой Бернард, вложил в свои знаменитые строки:

Propter mortem quam tulisti
Quando pro me defecisti
Cordis mei cor dilectum
In te meum fer affectum

Какое большое количество христианских гимнов являются песнопениями на тему страданий Христа! Они повествуют нам об Его искупительной жертве,

принесенной на кресте. Кто в состоянии забыть переведенную на многие языки мира »O Haupt voll Blut und Wunden« — или пафос ее мелодии, когда ее поют христиане-немцы? Да ведь и «Stabat Mater Dolorosa» («Мать у крестного распятия...») принадлежит не одной лишь Римской Церкви, но всем истинно верующим, которые стояли рядом с Марией подле креста. «Каков я есть, не моля ни о чем...», «Когда на чудный крест взираю...», «Есть источник, кровью напоенный...», «Вековая скала для меня раскололась...» — и множество других гимнов, столь знакомых всем нам, воспевают смерть Христову, делая ее своей главной темой. «Иисус заплатил за все...», «Что грех мой в силах смыть? Ничто, лишь только кровь Иисуса».

«С пустыми руками к Тебе я приду,
И просто приникну к кресту Твоему;
Был наг я, Тобою теперь облачен,
И чудною милостью я одарен.
В грехах своих к источнику спешил:
Омой меня, Спаситель, и спаси!»

Даже если бы Иисус из Назарета оказался просто человеком, а не был бы Тем, Кем он является на самом деле — Сыном Божиим и нашим Спасителем — Его трагический конец и в этом случае являлся бы величайшим событием в истории человечества. Сама по себе ценность всех малейших деталей, приведенных в записях, современных Его страданиям и распятию; описание столь впечатляющих нас природных явлений, которыми царство природы сопровождала эту трагедию; знаменитые «семь слов», произнесенные Спасителем с креста; наконец, впечатление, произведенное как на всех присутствовавших при казни, так и на все последующие поколения из среды всех народов — все это однозначно говорит о свершении не только мирового, но и поистине космического события. И нам не следует переключаться на что-либо иное. Смерть Иисуса за грехи [всего человечества] на кресте явилась важнейшим событием в Его жизни, и она была важнейшим событием для Него Самого. И нам нисколько не кажутся преувеличением следующие слова Джеймса Денни: «Если искупление, независимо от точности определения этого понятия, и значит хоть **что-нибудь** для человека, то оно одновременно означает и **все вообще**. Это — наиболее глубокая из всех истин, и наиболее важная, из нее проистекает все остальное. Она более всего прочего определяет наше постижение Бога, человека, истории и даже природы. Она определяет их потому, что нам приходится каким-то образом привести все эти понятия в соответствие с нею. Она служит вдохновением любой мысли, ключом и источником для последней надежды в любого рода страдании. Искупление является реальностью такого рода, что к нему невозможно найти никакого компромисса. Таким образом, и для наших современников, равно как и для людей прошлых эпох, все то, что привлекает или отталкивает в христианстве, сконцентрировано в одной точке. Крест Христов служит либо единственным предметом, чем может “похвалиться” человек, либо остается для него окончательным камнем преткновения».

ГЛАВА II

«НЕ ХИТРОСПЛЕТЕННЫМ БАСНЯМ ПОСЛЕДУЯ»

«Христианская религия является вопросом всего образа жизни, а не просто интеллектуального познания; и — “праведный верою жив будет”. Однако имеет свою значимость и возможность проявления истины посредством различных сопутствующих обстоятельств. Все мы должны твердо усвоить, что христианство не основывается на лжи, и мы вполне в состоянии наши истины доказывать, и мы должны этим пользоваться — по мере нашей веры. Тот постулат, что христианство имеет свое собственное происхождение, вполне доступен проверке на принципах исторического исследования. А по мере углубления подобных исследований, раскрывая истину шаг за шагом, вполне возможно доказать большую часть христианского учения. Как бы то ни было, в этой сфере предстоит сделать еще очень многое. Доказательства могут быть обнаружены только в том случае, если мы будем стараться их разыскать».

Сэр Уильям М. РАМСЕЙ, «Недавние открытия и подлинность Писаний Нового Завета».

ТЕ ЛЮДИ, что поверили Божьему свидетельству о Его Сыне, содержащемся в евангелиях, не подвергают сомнению и отдельные факты, в них упомянутые. В подтверждение истинности этих записей они располагают свидетельством [Святого] Духа. Вместе с апостолом Петром они убеждены, что все обстоятельства, описанных там страданий и смерти нашего Господа, а также Его чудесного воскресения не являются лишь «хитросплетенными баснями». Святой Петр был очевидцем страданий Христа, а Марк был Его учеником. И Иоанн рассказывает о том, что видел и слышал, чему был свидетелем, и что осязали его руки (1 Иоанна i. 1). И Матфей был одним из двенадцати. Лука говорит нам о том, как тщательно исследовал он свидетельства очевидцев для того, «чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен». [В английском — «твердую истину»].

Как бы то ни было, в век сомнений и исторического критицизма нам предстоит лицом к лицу столкнуться с теми, кто отрицает евангельские истины, подвергая сомнению их подлинность и достоверность. Некоторые утверждают, что Иисус Христос — миф, и вся история Его жизни буквально является «хитросплетенными баснями», основанными на более древних и весьма противоречивых суевериях римлян, эллинов и египтян. Ранние гностики были склонны отрицать факт смерти Христа по догматическим соображениям. Коран категорически утверждает, что Иисус не был умерщвлен, как и то, что Он не был распят: «...Бог наложил печать на них (иудеев) за их неверие... и за их слова: “Мы ведь убили Мессию Иисуса, сына Марии, посланника Божия” (а они не убили его и не распяли, но двойник был представлен им)» (сура iv. 154-156). Основывая свое неверие на этом отрывке и его интерпретации исламскими теологами и толкователями, ортодоксальные мусульмане всегда отрицали исторический факт

распятия Иисуса. У магометан бытует мнение, что вместо Христа был казнен Иуда Искарот, и что Бог освободил Иисуса от такой ужасной смерти, волшебным образом околдовав Его мучителей. Существует множество разногласий относительно этого эпизода, но все мусульмане сходятся во мнении, что Иисус не погиб на кресте. То есть, Он не умирал за наши грехи. Он никогда не воскресал из мертвых. И к Его переходу из этого мира в грядущий голгофский крест оказывается не причастным.

Предположение Штрауса и других рационалистов, заключающееся в том, что тело Христа было снято с креста еще до наступления Его фактической смерти, и что от запаха благовоний в гробнице Он пришел в себя, было с жаром подхвачено современным сектантским движением «Ахмадия» в Пенджабе. Их лидер, Гулам Ахмед из Квадиама, отыскал похожую теорию о «пришедшем в сознание» Иисусе из Назарета, отправившемся после этого Индию и ставшем там учителем, в книге под названием «Неизвестная жизнь Христа», написанной русским романистом Ноновичем. Позднее этот Гулам Ахмед «обнаружил» гробницу Иисуса в Кашмире и провозгласил себя новым мессией! Благодаря энергичной и хорошо продуманной пропаганде эта секта вскоре наводнила весь мусульманский мир своей новой доктриной о лжехристе. Подобным образом и ирландский прозаик Джордж Мур в книге «Ручей Керит» развивает гипотезу, что Иисус в действительности не умер на кресте, но лишь лишился чувств, и, придя в себя, развернул еще более широко Свою миссию общественного служения. Итак, эти теоретики у нас дома, как и миллионы последователей Мухаммеда за границей (последние, разумеется, ссылаясь на авторитет откровений Аллаха), отрицают то самое, что, согласно нашим убеждениям, является основным и главнейшим в нашем послании. Какой же нам приготовить им ответ в пользу той веры и надежды, которые живут в нас? Ведь сами мы не являлись очевидцами произошедшего.

«Рядом не было нас, когда ввысь вознесли
Твое тело средь дикой толпы,
О прощеньи жестоких Своих палачей
Мы не слышали кроткой мольбы.

Но мы знаем, что казнь совершилась, и смерть
Хладным пальцем коснулась Тебя,
И забилась в конвульсиях с горя земля,
И светило угасло, скорбя».

Почему же мы верим в это? Вера должна опираться на какие-нибудь свидетельства, а таких свидетельств предостаточно. И исследование этого основания лишь усиливает нашу веру.

Начнем с того, что смерть Иисуса на кресте не была неожиданностью, она была ясно предсказана иудейскими пророчествами, и о судьбе такого «праведного мужа» намекал еще Платон. Покорный раб Иеговы, переносивший страдания в Книге Исайи; великий мессианский псалом, красочно описывающий смерть

Иисуса; подробные детали предательства Христа и его гибели в других пророчествах – все эти примеры общеизвестны для любого человека, изучавшего Священное Писание. Приближение великого события отбросило свою тень на историю задолго до своего действительного наступления. «Вот Агнец Божий», — говорит Иоанн Креститель; и в этих словах он подытоживает всю суть Ветхого Завета, который учит, что без пролития крови не может быть искупления грехов, и что Агнцу Божьему надлежит быть закланному за грехи мира. Ключ к Ветхому Завету будет неминуемо утрачен, если мы рискнем отрицать то, что «Иисус умер за наши грехи согласно Писаниям». В этом случае ключ к таинству жертвоприношения как умилоствлению за человеческие грехи среди всех народов во все времена оказывается потерянным.

«...Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; [наказание мира нашего *было* на Нем,] и ранами Его мы исцелились». Эти слова были написаны лишь немногим ранее, чем наступила эпоха Платона, — в четыреста двадцать девятом году до р. Х. На страницах своей «Политики» (том IV, стр. 74) Платон рассказывает о таком жертвенном искупителе, который необходим миру для возрождения праведности: «Кристалльно праведный человек, кто, не совершив никакого зла, должен будет взять на себя, по всей видимости, явное беззаконие; более того, кто будет избит, закован, подвергнут пыткам, лишен зрения, и, претерпев всевозможные мучения, будучи привязанным к столбу, должен будет восстановить первопричину и эталон справедливости». ^[1] Нет никакого смысла задаваться вопросом, откуда Платон взял свою идею о праведном человеке, страдающем за неправедных ради того, чтобы вернуть их опять к Богу. Эта идея у него почти так же ясно выражена, как в Божием послании пророка Исаяи. Ни один из людей не может прожить абсолютно праведную жизнь без того, чтобы не оказаться «мужем скорбей», презираемым, отверженным и мучимым, и, наконец, распятым.

Смерть на кресте не явилась неожиданной трагедией и для самого Иисуса. Она вовсе не стала разочарованием и крушением Его надежд. Напротив, Он сознавал ее неизбежность, и неоднократно с уверенностью упоминал о неотвратимом приближении ужасного события. От самых начатков Своего служения Он видел надвигающуюся на Него тучу. При Своем крещении в Иордане Иисус, который не знал греха, причислил себя к грешникам. Он с самого начала определял ученичество как несение креста. После признания Своего мессианства и

¹ Смотрите также: «А что они будут говорить, так это то, что этот человек, будучи по своему характеру справедливым, должен будет вынести удары плетью, пытки, цепи, выжигание глаз каленым железом, и, наконец, после всех мучительных страданий, он должен оказаться распятым...». В Платоновской «Второй Республике» поднимается тема **истинно** справедливого (или праведного) человека в сравнении человеком **очевидно** справедливым, справедливым с внешней стороны. В этом неидеальном мире **истинно** праведный человек может претерпевать невероятные страдания, в то время как на долю **кажущегося** праведным человека могут достаться многочисленные блага, лесть, реальная власть и высокое положение в обществе. В грешном мире праведные люди часто страдают, а недобрые — процветают». Цитируется по «Избранным диалогам Платона» (**The Collected Dialogues of Plato**, Edited by E. Hamilton and H. Cairns, Bollingen Series LXXI, Princeton University Press, Princeton, NJ, 14th printing, Republic II, 361e, p. 609).

«с того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать ...и быть убиту». «Сын Человеческий предан будет в руки человеческие и убьют Его, и, по убиении, в третий день воскреснет». Особенностью последних трех месяцев жизни нашего Господа, в соответствии с синоптическими евангелиями, была обдуманная и трижды предпринятая попытка донести до Своих бестолковых учеников неизбежность и значительность Своей грядущей насильственной смерти.

Подробности распятия Христа, записанные людьми, причем, некоторые из них являлись его непосредственными очевидцами, не оставляют сомнений в действительности Его смерти. Они свидетельствуют об этом самым категорическим образом, как бы отметая любые дальнейшие сомнения в подобном факте. «Иисус же, возгласив громко, испустил дух...» Центурион («сотник»), «...стоявший напротив Его, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: истинно Человек Сей был Сын Божий» (от Марка хв., 37-39). Иоанн сообщает нам о том, как «...один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода». Затем он добавляет: «И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили». Эти слова принадлежат не какому-то доверчивому или введенному в заблуждение простаку. Этот самый центурион официально уведомил Пилата и подтвердил ему факт смерти Иисуса (от Марка, хв., 44). Иосиф Аримафейский положил тело умершего Христа в гробницу, а Мария Магдалина и Мария, Его собственная мать, видели Его мертвым (от Марка хв. 46, 47).

Ни один из авторов Нового Завета не подвергает сомнению факт смерти Иисуса; ни один из персонажей книги «Деяния Апостолов» не выказывает никаких сомнений в том, что Иисус был действительно распят. И лишь спустя столетия люди осмеливаются поставить под вопрос саму историческую достоверность этого факта, и пустить в ход свои собственные «хитросплетенные басни». После самого безжалостного исследования всех документов, ученый такого уровня, как раввин Йозеф Клаузнер в своей недавней книге об Иисусе из Назарета приходит к заключению, что синоптические евангелия подлинны, и что Иисус действительно жил и умер так, как в них описано.

Несколько лет назад Сэмьюел Э. Стоукс собрал свидетельства иудейских и языческих авторов относительно подлинности христианских источников, и можно считать характерным, что все эти люди были склонны прислушиваться к Плинию, Тациту, Лукиану, Иосифу Флавию или даже Цельсу, ибо все они были полными профанами в отношении евангелий, в подлинности которых они сомневались. Описывая поджог Рима (шестьдесят четвертый год от р. Х.), и то, как Нерон пытался отвернуть от себя подозрения, Тацит сообщает: «Для того чтобы не дать воли толкам, Нерон предложил вместо себя в качестве обвиняемых и наказал со всей изощренной жестокостью людей, которых римский народ ненавидел за их тайные преступления. Римляне называли их “христианами”. Христос, от которого произошло это название, был предан смерти во времена правления Тиберия прокуратором Понтием Пилатом, и их опасное суеверие оказалось на какое-то время приостановлено. Однако впоследствии это зловерное учение

распространилось с новой силой не только в Иудее, в которой оно изначально зародилось, но также и в Риме, где разного рода убийства и отвратительные безобразия сходятся вместе и начинают входить в моду. Сначала были схвачены некоторые из них и силой принуждены сознаться, а затем уже по полученной от них информации огромному множеству их собратьев по вере было предъявлено обвинение не столько в поджоге, сколько в ненависти к роду человеческому. Эти несчастные не просто были преданы смерти, но преданы смерти оскорбительной и мучительной: их, облаченных в звериные шкуры, бросали на растерзание собакам, или же вокруг распятых на крестах христиан раскладывали костры, чтобы с наступлением сумерек поджечь их, и таким образом использовать для освещения в ночи» («Анналы», xv. 44).

Лукиан из Самосаты (родился в сотом году от р. Х.) в своем труде «Смерть Скитальца» заявляет: «Христиане все еще продолжают служить тому великому человеку, который был распят в Палестине за то, что представил миру эту новую религию... Эти несчастные люди убедили себя в том, что они абсолютно бессмертны и будут жить вечно, по этой причине они стали относиться к смерти легкомысленно, и многие сами охотно сдаются. И как только их первый законодатель уверил их, что все они друг другу являются братьями, как они тут же преступили закон, и, отказавшись от греческих богов, стали служить этому своему распятому Мыслителю, и жить в соответствии с Его законами».

Два знаменитых отрывка из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия общеизвестны и, скорее всего, подлинны. Во всяком случае, собственная история самого Иосифа подтверждает историческую обстановку, описанную в евангелиях. «Ирод Великий, его сын Архелай, Ирод Антипа, Иродиада, ее дочь Саломия, Иоанн Креститель, Анна (“Ананус”), Каиафа (“Каифа”), Понтий Пилат, Феликс и его жена-иудейка Друзилла, Порций Фест, Ирод Агриппа, Береника, фарисеи и саддукеи, — все они появляются на страницах истории Иосифа Флавия в тех же взаимоотношениях друг с другом, в каких мы находим их на страницах Нового Завета».

Цельс, знаменитый эпикуреец, был одним из самых непримиримых оппонентов христианства (приблизительно сто семидесятые годы от р. Х.). В своем труде, озаглавленном «Правдивое слово», как он цитируется Оригеном в ответе последнего Цельсу, тот «...насмешливо описывает агонию Христа и приводит Его слова: “О, Отче, если это возможно, пусть эта чаша минует меня”; он именует Христа “распятым Иисусом”, а убивших Его называет “теми, кто распял своего Бога”. Он критикует христианскую веру в то, что Христос “претерпел эти страдания для блага человечества” и пытается опровергнуть реальность Воскресения Христа. Он обращается к ангелам, которые явились у гроба Иисуса и говорит об ангеле, откатившем камень от гробницы. Он пытается показать глупость христианской веры в воскресение тела и высмеивает христиан за то, что они говорят: “Мир распят во мне, и я в мире”». Подобное свидетельство смерти и воскресения нашего Господа от противника евангелия очень примечательно. (Сэмьюел Стоукс, «Евангелие согласно иудеям и язычникам», The Gospel According to the Jews and Pagans, стр. 48).

Мы не можем не прийти к заключению, что, если и существуют достаточные доказательства какого-либо события в человеческой истории, так это доказательства распятия Иисуса Христа. Дополнительное подкрепление мы находим также в обычае Вечери Господней и в соблюдении Дня Господня, воскресения, как дня недели. Обычай преломления хлеба и пригубления чаши восходит к той ночи, когда Иисус был предан. Он сам основал это таинство, и его универсальность для всей христианской церкви, несмотря на некоторые различия в литургии и интерпретации самого обряда, является непрямым, но убедительным доказательством смерти Христа. Такая нерушимая традиция является своего рода историческим свидетельством, которое нельзя игнорировать. Точно так же, как мы можем считать традицию отмечать один из дней мухаррама в качестве дня трагедии в исламе подтверждением смерти Хусейна, павшего мучеником в Кербеле, в то время как исторические документы об этом событии отсутствуют.

Иисус сказал, что Он «есть господин и субботы», и это подтверждается тем, что после того, как Он умер и воскрес, церковь немедленно стала праздновать первый день недели вместо принятого иудеями седьмого дня; так, сам воскресный день является подтверждением смерти и воскресения нашего Господа. Каждый приверженец любой из значительных нехристианских религий знаком со своим отличительным символом: цветком лотоса, свастикой, полумесяцем и так далее. Крест является символом христианства. Как случилось, что знак упадка, позора, осуждения, вины и агонии полнейшей беспомощности стал символом славы, доблести, милости, сострадания и поддержки? Другого нет объяснения, кроме того, что Тот, Кто был распят на кресте за нас, искупил нас и сам крест от проклятия.

И, наконец, если еще остались какие-то сомнения относительно историчности основного факта учения Нового Завета, у нас сохранились свидетельства катакомб и памятников, оставленных ранними христианами. Эти камни, с их символикой и ссылками на крест, вопиют, что Иисус умер за наши грехи в соответствии со Священным Писанием.

В переписке Карлайла и Эмерсона мы находим строки, в которых Эмерсон по какому-то поводу упоминает слова Карлайла, сказанные им во время их первой беседы: «Христос умер на древе — и *это* послужило поводом для недоумения Дунскора Керка — *это* объединяет нас друг с другом! Время имеет лишь относительную протяженность».

Какие еще нам требуются доказательства, чтобы поверить? Наивность и легковерность тех, кто отрицает очевидное, заходит дальше некуда в тех их теориях, которые ставят под сомнение историчность христианского учения, основанного на жизни и смерти нашего Господа и Его воскресении.

Иисус умер и воскрес согласно Священному Писанию. Библейские пророки предсказали Его смерть. Апостолы удостоверили ее факт. Все Писание сводится к идее искупления. Об умиравшем Спасителе и воскресшем из мертвых Господе свидетельствуют все книги Библии. Фундаментальная и всеобъемлющая тема,

лежащая в самом сердце библейского послания, является ответом на вопрос, как грешному человеку оказаться оправданным перед Богом? И вот ответ: через искупительную смерть Христа. И другого пути не существует! И нет другого евангелия, иной благой вести. Если это было бы ложно, то вся наша христианская вера была бы тщетна: потому что единственная благая весть, которая у нас есть, это та, что Иисус умер за наши грехи и вновь воскрес для нашего оправдания.

«Не довелось нам стоять перед пустою гробницей,
Где много лет назад Твое тело лежало,
Мы не вкушали с Тобою еды в верхней горнице,
И не встречались с Тобою по дороге в Эммаус;
Но мы верим в то, что сказали ангелы:
“Что ищите Живаго среди мертвых?”»

ГЛАВА III

«И ЗАКРЫЛИ ЕМУ ЛИЦО...»

(Лк. 22:64; Мк. 14:65; Мф. 26: 67).

*«Кровав Твой пот, все тело в сгустках крови,
Душа Твоя в томленьи, на главе — венец,
Из терна он, с колючек кровь сочится,
И из твоих очей слеза катится,
Насмешки режут слух в конце.
Чтоб жажду утолить, у палачей лишь уксус,
Да желчь, в лице Тебе плюют они,
Глава Твоя под ношею креста склонена,
Спина, изранена плетьюми, сгорблена,
Твои пронзают руки и ступни.
Кричишь Ты: “Эли, Эли! — Боже, Боже!”
Но — в сердце уж направлено копьё,
Пронзает тело, кровь стремится,
А с ней, о чудо! и вода струится,
Разбит сосуд, жизнь кончена — и все!
...Прости же, Господи, рабу все прегрешенья,
Покрой мне все грехи мои».*

ЛАНСЕЛОТ ЭНДРЮЗ.

С ИСТОРИЧЕСКОЙ точки зрения страдания Иисуса Христа остаются полностью в прошлом. Он уже однажды умер за грехи человечества, и больше умереть не может: смерть не имеет более над Ним власти. Но каким-то таинственным образом страсти Христовы постоянно присутствуют в настоящем. Мистически страсти Христовы разыгрываются внутри человеческого общества вновь и вновь. Мы снова и снова распинаем Его. Иисуса Христа непрестанно предают, отвергают, отрицают, закрывают Ему глаза, оплевывают, бичуют, издеваются над Ним. И, в конце концов, вновь Его распинают.

Все подробности истории Его страданий символичны. Мистическим образом все мы были там, когда «Он умер за наши грехи по Писанию».

«Я был распят со Христом», — как верно сказал за каждого из нас Гораций Бонар!

То был я, кто священную кровь проливал,
Пригвождая ко древу Христа,
Это я, это я сына Бога распял,
Издеваясь, как вся та толпа.

В этой дикой орущей толпе я стоял,
Ощущая себя ее частью,
И среди голосов я свой глас различал,
Пребывая под дьявольской властью.

В толчее той безумной, окружающей крест,
Мы над стоном Христа издевались,
И казалось, что глас мой был там громче всех,
Словно прочие меньше смеялись.

«Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя?» «И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лицо, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам».

Великие живописцы запечатлели на своих холстах все подробности Страстной недели, за исключением этой сцены. И все же эта картина настолько символична и так ужасающе трагична, что задаешься вопросом, почему ни одна кисть художника не предприняла попытки передать нам ее глубокое и непреходящее значение. Представьте себе внутренний двор перед дворцом первосвященника Каиафы, очень ранний час, еще предрассветный. Претория освещена лунным светом и мерцающими отблесками пламени горящего костра. Христос с покрытым лицом находится среди толпы людей, одержимых слепой ненавистью. Служители синедриона, наемники первосвященника, — все они, по всей вероятности, были иудеями, то есть принадлежали к родному народу Христа. Некоторые из них могли знать Его лично, не исключено, что они слышали Его речи. Они вполне могли быть очевидцами совершенных Им чудес. В роковом саду эти люди избегали встретиться с Ним взглядом. Теперь же они закрывают Ему лицо и начинают над Ним насмехаться. Какое затмение нашло на души этих служителей, раз они смогли вытворять такое или наблюдать за тем, как это делают другие! Какая бесчувственность к любви и истине; какая слепота и безразличие к красоте непорочности; какая низость мыслей и ожесточенность сердец! И это они делают с Иисусом из Назарета, Который в Иерусалиме вернул зрение слепорожденному. Они закрыли Ему лицо. Был ли среди них Малх? Участвовал ли в этом Каиафа? Удалось ли что-нибудь увидеть Петру, прежде чем он вышел и горько заплакал? Впоследствии он напишет об этой ужасной ночи, когда он стоял, пытаясь согреться — хотя душа его дрожала — у огня:

«...Христос пострадал за нас, ...[дабы мы шли по следам Его.] Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному. [Он грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды:] ранами Его вы исцелились». Да, Петр должен был видеть страдания Христа, по крайней мере, издали; стыд и отчаяние пронзили его сердце. Последний взгляд Иисуса перед тем, как Ему закрыли лицо, был обращен к Петру, который тоже отрекся от Него перед этими самыми служителями синедриона.

Как бы ни были лаконичны эти записи, нетрудно прочесть между строк о трусости, жестокости и беспочвенной ненависти к Спасителю. Зачем им понадобилось закрывать Иисусу лицо? Не оттого ли, что Его взор был полон такого святого удивления их неверию, такого сострадания к их невежеству, и, однако же, пылал таким огнем, который, подобно языкам горящего пламени, прожигал их совесть?! Они не могли вынести Его открытого взгляда, и потому-то, как говорит Марк, когда «некоторые начали плевать на Него», другие стали «закрывая Ему лицо, ударять Его». Их трусость была сопоставима только с их ненавистью. Они избивали Его. Они смеялись над Ним. «И много иных хулений произносили против Него». Но их ненависть была беспочвенна. Они требовали доказательства там, где никакие доказательства не требовались. Они хотели низвести пророчество до уровня чтения мыслей, и ударами, которые они обрушили на беспомощного и ничего не видящего пленника, добивались, чтобы Христос выделил им кого-нибудь одного, среди всех виновных в их общем богохульстве. «Ну-ка, кто это ударил Тебя? Угадай — прореки!» Но то был не один человек, наносящий Ему удары, то был весь народ, даже весь род человеческий. «Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое...», — или, когда мы не в состоянии спрятать своих лиц, мы закрываем **Его** лицо и ослепляем Его.

Вся вековая трусость предательства и неверия сконцентрировались в этом эпизоде. Некоторые люди, находясь в постоянном страхе, боятся заглянуть Христу в лицо. Они пытаются устранить Иисуса из истории, провозглашая, что его история всего лишь миф. Или же они вообще отказываются открыто посмотреть Ему в лицо. Сколько популярных книг и школьных учебников «закрывают лицо» Иисусу оправдывающимися фразами, совершенно неадекватными предмету.

Неверие «ослепляет» Библию, заключая ее в футляр, препятствуя проповеди содержащегося в ней Слова для юных сердец или оставляя ее пылиться на полке, как «классику, о которой все говорят, но никто не читает». Люди «ослепляют» Христа с церковных кафедр или со страниц печати, и затем смеются над Его пророческим даром и славой настоящего мессии. Когда неверие и агностицизм ослепляют Спасителя, они набираются смелости бить его по лицу. Вольтер, Ницше, Ренан, Бебель, Пен, Ингерсолл и другие, им подобные, пускай и не столь известные, но думающие про себя точно так же, все в один голос соглашались вначале ослепить Христа, чтобы затем отрицать Его божественность. Такие люди набрасывают на лицо Иисуса покрывало, прежде чем нанести удар по Его славе.

Тегюир — родина Эрнеста Ренана — старинный монашеский городок с ревностно религиозным населением. Он раскинулся на холме, с которого открывается живописный вид на реку Жоди. На набережной, сразу обращаящей на себя внимание любого туриста, возвышается белое распятие из камня с фигурами в человеческий рост и словами, начертанными на трех языках у подножия центрального креста: «Воистину это был Сын Божий». Этот символ Голгофы, как говорят, был воздвигнут в знак протеста против славы Эрнеста Ренана, после того как **его** статуя заняла почетное место на кафедральной площади родного городка философа.

Больно читать евангельские слова об ужасном ослеплении Христа, но еще больнее наблюдать за тем, как человечество в течение девятнадцати столетий снова и снова «ослепляет» Его, а затем издевается над Ним. Что может быть печальнее и богохульнее слов Ницше! «Евангелие умерло на кресте, — пишет он, — все, что с тех пор называют Евангелием, является противоположностью того Евангелия, по которому жил Христос. Все это — дурная весть, дизангелие». И хотя Ницше временами довольно снисходителен ко Христу и редко выпускает свое жало против «этого основателя небольшой иудейской секты», он ненавидит само название христианства и апостола Павла, как толкователя христианского Евангелия.

Ненависть неверующих так же явственно ощутима сегодня, каковой она была и в судилище Каиафы. Люди не могут оставить Христа в покое. Его лицо привлекает внимание. Его глаза пламенеют огнем. Он притягивает или отталкивает людей: как тогда, так и поныне.

Это ли Лик, что трепет внушает
Серафимам, в небе спешащим укрыться?
Это ли Лик, совершен, без изъяна,
Это ли Лик, что любовию дышит?

Да, этот образ, жизни лишенный,
Обезображен, хоть милостью каждую тварь напоил,
И Божию святость удовлетворил:
Вот этот Лик, Лик Иисуса Христа!

Святые Ветхого Завета мечтали воочию узреть Божию славу в лице Его помазанника. Об этом молился Моисей, на это надеялся Давид, и этого жаждал Исая. «Доколе, Господи, будешь забывать меня вконец, доколе будешь скрывать лице Твое от меня?» (Псалом 12:2). «Яви светлое лице Твое рабу Твоему; спаси меня милостью Твоею» (Псалом 30:17). «...Не отврати лица помазанника Твоего» (Псалом 132:10). «...Не скрывай лица Твоего от меня, чтобы я не уподобился нисходящим в могилу» (Псалом 143:7). Когда Исая узрел Его славу и стал говорить о Его страданиях, он предрек трагедию этого ужасного дня. «Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания» (Исайя 50:6). «... Муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его» (Исайя 53:3). «Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице *Ego* от вас, чтобы не слышать» (Исайя 59:2). «...И, закрыв Его...» (Лука 22:64) — таким образом, вероятно, исполнились пророческие слова Исая: «Кто так слеп, как раб Мой, и глух, как вестник Мой, Мною посланный? Кто так слеп, как возлюбленный, так слеп, как раб Господа?» (Исайя 42:19).

Когда мы задумываемся над этими словами, то начинаем понимать, что означало для Иисуса быть лишенным возможности видеть, и таким образом прочувствовать на Себе и внутри Себя все безрассудство и слепоту упрямого неверия по отношению к Богу и Его посланникам. Сомнения неверующих — это

вовсе не вчерашний день. На протяжении всех предшествующих столетий от всех людей, свидетельствовавших о Боге, требовали таких доказательств, каких не требовали ни от кого другого в этом мире. Имеющих веру во Христа вопрошали: «Где Его чудеса, свидетельствующие о Его деяниях? Почему мы должны верить Его слову? Когда исполнятся Его пророчества?» Вот уж воистину: «Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?» (Исайя 53:1).

Мы отворачиваемся от Христа или спешим ослепить Его; и остаемся не убежденными и не осужденными. Служители первосвященника не видели ничего. Но совесть Петра пробудилась от одного лишь взгляда.

Он смог раскаяться, потому что он не закрывал лица Иисусу. И так было всегда. Вот что пишет Джереми Тейлор в своей проповеди на тему «О вере и терпении святых»:

«Он умер не единичной или безвременной смертью, но Он был Агнцем, закланным от начала мира; ибо, как говорил Святой Паулиний, Он был зарезан в Авеле; Он был брошен в морскую пучину в лице Ноя; это был Он, оставивший Свою землю, когда Авраам был призван из Харрана, и отправился скитаться прочь от своей родной стороны; Он был подготовлен для принесения в жертву в Исааке, был гоним в Иакове, предан в Иосифе, ослеплен в Самсоне, публично оскорблен в Моисее, распилен, когда распилили Исайю, брошен в темницу вместе с Иеремией; ибо все они были прообразами страданий Христа. И затем Его страсти продолжились после Его воскресения. Ибо это Он страдает во всех своих членах: это Он, безропотно несет на себе “грехи всех нас”; Это Он, Господин жизни, “претерпел крест, пренебрегши посрамление”, во всех страданиях рабов Своих и в грехах мятежников, и в предательствах отступников, и в жестокости тиранов, и в несправедливости узурпаторов и гонителей Его церкви. Это Его забросали камнями вместе со Святым Стефаном, с Него заживо содрали кожу со Святым Варфоломеем, поджарили на решетке со Святым Лаврентием, бросили на растерзание львам вместе со Святым Игнатием, сожгли со Святым Поликарпом, заморозили в озере, как и сорок мучеников из Каппадокии. Таинство Христовой смерти, как сказал Святой Иларий, не может быть постигнуто и завершено без учета страданий всех пребывающих в скорбях людей».

Так что не стоит удивляться, если уж люди ослепили нашего Спасителя и избивали Его, что они открыто предадут Его осмеянию в наши дни. Миссия Мухаммеда, не зависимо от всего остального им содеянного, заключалась в том, чтобы закрыть лицо Иисуса, и затмить солнце праведности луною Мекки.

Каждая новая религия или философия, что уводит людей от Евангелия, может преуспеть лишь в том случае, если сначала она ослепит Христа. Тем, кто взглянул в Его глаза, не нужно другого света; те, кто узрел Его лицо, не последуют

ни за каким иным вождем. «Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого. Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса, потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа». (2 Коринфянам 4:3-6).

Те, кто блуждает во мраке с ослепленным разумом, часто собственноручно гасят свет, первоначально «ослепив» Христа Божия. Что бы ни подразумевало выражение «бог века сего», оно, безусловно, включает ту власть «лукавого», что всячески препятствует людям лицезреть славу нашего Спасителя. Этот «дух времен», в который включены различные свободные мнения, мирские принципы, философские гипотезы, нечистые помыслы и цели, призван постоянно подпитывать атмосферу сомнения и неверия, в которой удушается всяческая вера. Слепота предшествует неверию и неизбежно приводит к нему. Слепота является результатом сокрытия Евангелия, искажения чистого Божьего слова, и того, что мы закрываем свои глаза на истину.

«И сказал Иисус: на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы».

Давайте еще раз обратимся к той печальной сцене, где ослепленный Иисус стоит посередине банды головорезов — членов синедриона. Всмотритесь в Его лицо, освещенное лучами раннего солнца и излучающее божественный свет — окровавленное, со следами побоев, с выколотыми глазами! «[Боже, защитник наш! Приникни и] призири на лице помазанника Твоего!» — призывает псалмопевец, и пред нами воочию восстает подлинный образ страдающего Спасителя.

«Се, Человек!» Связанный, изможденный, с кровоподтеками, осыпаемый насмешками и бранью, и, однако, не проронивший ни слова, хранящий безмолвие — особое молчание любви в страдании. «Прореки, кто ударил тебя?!» Воистину, мы должны искать ответ на подобный вопрос в недрах своей собственной совести.

«О, Господь, мрак в душе проясни,
И от скверны очисти сердца,
Для обители светлой Своей.
Злые чары греха Ты развей,
Свергни тяжкое бремя с души!»

Однако Иисус безропотно переносил свои мучения не только для того, чтобы искупить нас от грехов и их проклятия, Он также «пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его». Каждая деталь этих страстей великого Носителя креста вселенной, кажется, кричит нам в уши: «Следуйте Мне! Будьте храбры, отчаянны, совершенны и непривередливы. Сносите грязь и клевету, зной и нищету, резкий отпор и жалящие упреки. Будьте безгласны перед своими обвинителями. Терпите все и будьте отважны ради меня и Евангелия! Не

уклоняйтесь испить со Мною чашу поражения, которая часто бывает горше чаши смертной — ведь это та мука осмеяния, что предшествует крестной муке».

Когда мы воссоздаем перед собою картину зала суда и ослепленного Христа, Которому довелось испытать такое поношение от грешников против Себя лично, мы оказываемся в состоянии не сдаваться и не терять сил из-за упреков и оскорблений. «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

Это — последнее и самое величайшее из всех блаженств. Блаженство тех, кто следует за Христом весь путь до самого конца. От Гефсиманского сада до Гаввафы и Голгофы.

Победы нет без поражения,
Так без креста нам нет спасенья.

Пав в землю, зернышко пшеницы,
Чтобы весной заколоситься,
Должно сначала умереть.
Чтоб приумножиться суметь
В пшеничное золотое поле,
Что вызревает на просторе,
Колосья устремляя ввысь.

Картину эту наблюдая,
Не забывай, как, умирая,
Дарили зерна жизнь другим.
Немало было душ разбито,
В молитвах много слез пролито,
Чтоб силы ада одолеть».

ГЛАВА IV

«И СВЯЗАВ ЕГО... БИЛИ ЕГО»

«Самым первым условием нашего посвящения в тайное общество Друзей Бога, является необходимость для нас занять свое место рядом с Ним перед обвинительными креслами в судах этого мира. Потому то мы вместе с Ним должны сносить насмешки, надменность и непонимание со стороны религии сего мира, со стороны мировой культуры, власти мира сего — сносить все насаждаемые ими изоциренные выдумки, которые используются в качестве стандартов, посредством которых люди уходят от действительности, проклиная ее. Как только мы заявляем, что сей мир не в состоянии обеспечить нам то нерушимое Царство, которого мы добиваемся, мы теряем право на мирское понимание, поскольку оскорбляем чувство мирского рассудка. Мир тут же обращается за содействием в суды, которые спешат дотошно разобраться с бунтарем, вдруг объявившимся внутри нас. Причем судьи могут быть вполне снисходительны к глупцам [, каковыми нас выставляют]. И тогда безразличие, привычка к праздности и трусость с готовностью вновь начинают нас обвинять, как когда-то они обвиняли Первого и Единственно Праведного».

ДЖОН КОРДЕЛЬЕ, «Тропою вечной мудрости».

I

ИИСУС нес Свой крест подобно тому, как нес хворост для жертвоприношения Исаак, восходя за Авраамом на священную гору. И Он оказался связан так же, как был связан Исаак, прежде чем отец положил его на алтарь. «И пришли на место, о котором сказал ему Бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров» (Бытие ххii. 9). Не случайно иудеи, скрупулезно придерживающиеся своей «мишны» (закона), жертвоприношению Исаака уделяют такое большое внимание. Они сделали эту историю центром своей торжественной ежегодной поминальной службы в память события, произошедшего на горе Мория. Молитва-«акеда» («Обязательная»), которую произносят ортодоксальные иудеи во время своего новогоднего ритуала, звучит следующим образом:

«О, Господь, Бог наш, в благоволение нам, помни ту клятву, что дал Ты Аврааму, отцу нашему, на горе Мория! Вспомни, как связал он сына своего Исаака и положил его на алтарь, подавив отцовскую любовь свою, дабы от всего сердца исполнить Твою волю! Так пусть же любовь Твоя подавит гнев Твой против нас, и по Твоей великой доброте отвратится гнев Твой от народа Твоего, и от города Твоего, и от наследия Твоего... Помяни день сегодняшний в милости и благоволении ради семени его — связанного Исаака».

Др. Макс Ландсберг говорит: «С течением времени молитве «акеда» стало

придаваться все большее значение. Хаггадистическая литература полна ссылок на нее; содержащаяся в ней просьба о прощении оказалась включенною в ежедневную утреннюю молитву; а специальный кусок под названием «акеда» был добавлен в литургию каждого из покаянных дней в среде немецких иудеев».

Была ли это молитва в ходу уже во времена Христа? Жертву часто связывали вервями и вели «к рогам жертвенника» (Псалом cxvii. 27), и при этом связывании жертв иудеи придерживались особых ритуалов. Как бы ни был этот обычай в отношении храмовых жертв, приносившихся иудеями, он мог прийти в голову некоторым из учеников Иисуса, видевших, как Его связали в Гефсиманском саду. Ведь и они могли подумать, что Агнец Божий оказался веден на великое заклание, и прообразом этого события было чудесное избавление Исаака.

Трое из евангелистов особо подчеркивают то обстоятельство, что Иисус был связан как в саду, так и перед Пилатом находясь связанным. Иоанн повествует нам о более раннем событии. «Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудейские взяли Иисуса и связали Его, и отвели Его сперва к Анне, [ибо он был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником] ... Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе». Там над Ним насмеялись, плевали Христу в лицо и били по щекам. «Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти; и, связав Его, отвели и предали Его Понтию Пилату, правителю» (от Матфея xxvii. 1-2). Марк же сообщает: «[Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками и] весь синедрион составили совещание и, связав Иисуса, отвели и предали Пилату».

Итак, отметим, что сначала наш Господь протянул Свои руки, чтобы их связали под сенью олив Гефсиманского сада. Того внешнего неподчинения, что произвел неловкий удар меча Петра, оказалось для стражников достаточно. Те самые руки, чьим последним свободным деянием было исцеление отсеченного уха Малха, были скручены веревкой, по всей вероятности, у Христа за спиной. Затем ученики покидают Его и бегут. Вот так заканчивается первая сцена ужасной драмы той ночи.

Не долг был путь, что пришлось пройти связанному Христу: теми же самыми воротами, через которые Он выходил из города со Своими учениками после пасхальной вечера, стражи повели Его во дворец Анны, предыдущего первосвященника. Там солдаты оставили Его, и, развязав, очевидно, вернулись в свои казармы, ибо в дальнейшем о римских стражниках не упоминается. Именно тогда, стоя перед Анной и Каиафой, Христос испытал всю полноту прежде скрываемой зависти и ненависти «этих дерзких, распущенных, беспринципных, гордых и испорченных сынов Аарона», чьи имена неизменно вызывали у современников ответные проклятия, произносимые шепотом. Именно там Иисус получает Свой первый удар по лицу от сопровождавших их рабов — ладонью, кулаком или жезлом. Претерпев хулу и насмешки, оказавшись перед подкупленными свидетелями и заранее предрешенным смертным приговором, как говорится в Евангелии от Луки, незащитный пленник с беспримерной

жестокостью был избит головорезами: стражниками и служителями Каиафы. Однако все оскорбления, язвительные насмешки и удары, которые сыпались на Одинокое Страдальца, лишь проявили для нас человеческую природу в самой нижней точке греха и проклятия. Его же поведение свидетельствовало «не о беззащитности, но о намеренном отказе от защиты, не о побежденности, но о нежелании воевать, не о беспомощности, но о величии в Его добровольном решении подчиниться ради достижения наивысшей цели из любви». И в то же время этот грех и проклятие оказались обезврежены, будучи перенесены на Христа: им было позволено пасть на Сына Божия. На протяжении всей этой сцены отвержения Христа Его собственным народом, снося жестокое презрение и ненависть со стороны людей, Иисус оставался связанным. Ни одни руки, когда-либо связанные веревками или путами со времени сотворения мира, не были подобны этим. Примеры связывания рук, описанные в Священном Писании Ветхого Завета, ярко запечатлелись в памяти Иисуса. Но помнили ли о них Его гонители? Добровольно ли протянул свои руки Симеон, когда Иосиф связывал его, оставив у себя в заложниках, ради того, чтобы еще раз увидеть своего брата Вениамина? Великана Самсона, пытались связать снова и снова, но он смеялся над теми, кто пытался стянуть его новыми веревками и тетивами, и разрывал их, «как разрывают нитку из пакли, когда пережжет ее огонь» — и только когда Самсон покинул Бога, Бог оставил его. Иеремия, связанный путами, был брошен в сырое подземелье, но Господь освободил его. Освободил Он от смерти и трех друзей Даниила, когда те были брошены в раскаленную печь. Да, всем этим героям из Писания связывали руки, но это были лишь человеческие руки.

Иисус был, вполне вероятно, Тем Четвертым во время испытания израильских отроков огненной печью: «сын богов», да нет, Божий Сын! Взгляните только на руки Иисуса! Чарльз Белл в своем знаменитом «Эссе о руке человеческой», одобряя замысел природы, говорит о ее чудесной анатомии и об изумительной приспособляемости ко всем созидательным навыкам человека, в отличие от лап даже самых развитых животных. Но кому под силу описать руки Иисуса — руки, по которым, как и по любой человеческой руке, можно распознать не только достигшую совершенства личность, но и совершенный характер. Эти связанные руки, некогда, еще в младенчестве, покоились на груди Марии. Эти руки служили Иисусу, во времена Его работы плотником, помогая сделать ярмо для крепкого быка полегче или смастерить крестьянский плуг для землепашцев Назарета. Эти самые руки Он протягивал, чтоб исцелять прокаженных, хромых и слепых. Руки нежности и сострадания — руки, возлагаемые на маленьких детей, которых Он собирал в Своих объятиях — пальцы, что трепали их щеки и гладили темные локоны. Эти руки, взяв со двора храма глину, положили ее на глаза одного слепорожденного, возбудив злобу и ненависть тех, кто продолжал оставаться духовно слепым, несмотря на все произнесенные Христом проповеди и совершенные Им чудеса. Эти руки, сделав бич из веревок, подняли его в святом негодовании на тех, кто превратил дом Его Отца в дом торговли, в пристанище для воров. Эти руки, обмакнув кусочек хлеба — лакомый кусок, как часть восточного гостеприимства — подали его Своему предателю Иуде во время последней совместной трапезы. Этими руками Иисус, «зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит», взял полотенце и, обвязав Себя, омыл

ноги ученикам Своим. Также и ноги иудины.

Ладони этих рук слагались вместе во время уединенной молитвы на горных вершинах, и под конец оказались сжатыми в полной агонии молитве заступничества в Гефсиманском саду. И вот, теперь они были связаны — и скоро будут пригвождены к Кресту.

Этими руками Он преломлял хлеб и поднимал с благодарностью чашу, говоря: «...Приимите, ядите: сие есть Тело Мое. [И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал:] пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов».

Теперь предстояло исполниться этому последнему великому пророчеству. Его тело вскоре будет сокрушено, и Его кровь, кровь Нового Завета, прольется за грешников. И они «...взяли Иисуса и связали Его». «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят!»

Толпа стала требовать расправы над Павлом, а поставленный римскими властями тысяченачальник прекрасно знал, что бичевать римского гражданина без приговора суда противозаконно. Поэтому, узнав, что Павел — римский гражданин, он «испугался, что связал его» (Деяния ххii. 29). Но те, что связали Иисуса, не испугались. Автор «Послания Евреям», должно быть, слышал историю о связанном Иисусе от очевидцев, и писал о своих современниках, мужчинах и женщинах, которые оказались в темнице за свою веру: «Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле». Но, когда в узах оказался Иисус, не оказалось никого, кто «вспомнил» бы о Нем. Даже Петр, устыдившись уз Христа, отрекся от своего Спасителя, прошептав: «Я не знаю Его».

Кто были те люди, что связали руки нашего Спасителя, сначала в Гефсиманском саду, а затем в претории? Были ли те стражники римлянами? Но, будучи всего лишь солдатами, они выполняли долг службы, подчиняясь приказам своего начальства. Или это был Иуда, добавивший еще одно грязное дело к сплошному мраку своего предательства? Или это Анна счел необходимым связать своего пленника? Далее в Евангелии от Иоанна мы читаем: «Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе». Виновен ли Пилат в том, что оставил доставленного к нему Иисуса в узах и повелел бичевать того, кто не был подвергнут законному допросу, и не был еще осужден — и в ком не было найдено никакой вины?

Ессе Номо! («Се Человек!») Вот новый связанный Прометей — Тот, Кто принес и огонь, и жизнь, и свет с небес без каких-либо трюков или уловок — Тот, Кто воссоздает человека заново, предлагая ему богатейшие и наичценнейшие дары небес.

Было солнце в зените, Христос
Вдаль глядел на безбрежное море.
Чуя близкую смерть, произнес,

Что претерпит все муки и горе.

Его били, плевали в лицо,
И, смеясь, в багряницу одели.
И терновый венец на чело,
Водрузить эти люди посмели.

Был Он связан, и зноем палим,
И к кресту Его руки прибили.
И когда Он воды попросил,
Его уксусом с желчью поили.

Он до дна эту чашу испил,
Претерпел до конца испытанья.
Его ангелы ввысь вознесли,
И сбылись все Христа ожиданья.

Прометей, однако, через тридцать лет был освобожден Гераклом от своих цепей и избавлен от этой пытки. Христос же, будучи связанным Анной, и Каиафой, и Иудой, и вами, и мною — все еще страдает в узах и заточении — и заново распинается спустя девятнадцать столетий после Его казни.

Христос со связанными руками находится среди нас и поныне. «Со связанными руками, — пишет Роберт Кибл, — Иисус из Назарета все еще блуждает по улицам половины городов мира. Это не малыш со спотыкающимися ножками рожден во грехе в мир в Хокстоне — это Сам Иисус вновь пьет из чаши, что не может быть пронесена мимо Него — хотя в конце-концов воля Отца, “**чтобы ни один из сих малых не погиб**”, будет свершена, и именно потому Он вновь пьет эту чашу. Не какая-нибудь тяжело искалеченная и слепая в духовном отношении душа, явившаяся на свет для того, чтобы спотыкаться где-то вдали от Пиккадили, но свой же брат-иудей предает своего Господа за несколько серебряных монеток! И не бахвалящийся и сильно перепуганный ученик предпочитает греться у пламени уютного камина в Мейфере, в то время, когда его Учителя тащат на допрос — это свой же собрат[-христианин] отрекается от Иисуса при новом испытании, и тем самым снова ранит своего Господина еще сильнее, чем ранили Его некогда римляне или иудеи — ранит **в доме Его друзей**. И даже, более того, нигде не является преднамеренным грехом, запланированным и подготовленным, нигде этот грех намеренно не планируется, он не является результатом какого-то коварного заговора — это люди, просто проносящиеся на всем скаку мимо креста Голгофы, издевательски ранят своего Спасителя в самое сердце».

II

«...И плевали на Него». Они плевали не **на** Него, а **в** Него. Греческое слово особо акцентирует это омерзительное дополнительное значение. И совсем

другое слово используется во всех евангельских пассажах, описывающих истории, в которых Иисус использовал Свою слюну для излечения больного или слепого (Марк vii. 33, viii. 23; Иоанн ix. 6). Плевков — один из самых древнейших и широко распространенных видов оскорбления. Первобытный человек мог перенять эту отвратительную манеру от таких животных, как жаба, кошка, гадюка, ядовитая кобра.

Один из моих коллег долгие годы трудился в Аравии врачом-миссионером, и пользовался уважением и дружбою среди местного населения. Однажды, когда он находился в своей клинике, к нему пришел из пустыни один фанатик-ваххабит, но не за медицинской помощью, а для того лишь, чтобы плюнуть ему в лицо. В справедливом негодовании, которое одобрили все сидевшие у него пациенты, миссионер преподал этому человеку заслуженный урок — бедолаге пришлось отвесть его христианских кулаков. Нет большего оскорбления для восточного человека, чем плевков. Мы можем найти примеры в текстах Ветхого Завета: «И сказал Господь Моисею: если бы отец ее плюнул ей в лицо, то не должна ли была бы она стыдиться семь дней?» итак пусть будет она в заключении семь дней вне стана, а после опять возвратится. (Числа xii. 14). «Тогда невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лицо его, и скажет: “так поступают с человеком, который не созидает дома брату своему”» (Второзаконие xxv. 9). «Они гнушаются мною, удаляются от меня, и не удерживаются плевать пред лицом моим» (Иов xxx. 10).

К этому можно добавить пророчество Исаяи относительно Мессии, который, полный благодати и праведности, решился взять на Себя позор и презрение Своего народа: «Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего; каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал, подобно учащимся. Господь Бог открыл Мне ухо, и Я не воспротивился, не отступил назад. **Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания**» (Исайя l. 4-6).

Не Сам ли Иисус упоминает об этом пророчестве, когда говорит ученикам о предстоящей страшной трагедии? «Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, [и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам], и поругаются над Ним, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его; [и в третий день воскреснет]» (от Марка x. 33-34).

Здесь мы видим наиболее унижительное оскорбление, какое только можно было нанести величественной Персоне нашего Спасителя. «В человеке есть поистине ужасные вещи, — пишет Сталкер, — Есть в человеческой природе такие глубины, в которые весьма небезопасно заглядывать. И лишь благодаря полному совершенству Христа смогла выйти наружу столь хорошо скрываемая озлобленность Его врагов. Поскольку теперь Христос вступил с врагом в смертельную схватку, Ему предстояло выставить напоказ всю убогость и мерзость человеческой природы, чтобы лишить ее яда и вконец уничтожить Своего противника. Дракон уже вцепился когтями в плоть Христа, и Спаситель ощущал

его зловонное дыхание в Своем рту. Нам не понять до конца, каким ударом такое бесчестие и оскорбление должно было оказаться для Его чувствительного и поистине царственного сознания».

Кто же виноват в этих плевках, в этом неопишемом, повторяющемся кошмаре? Из текстов Евангелия получается, что, прежде всего — иудейские священники и их слуги, а затем — солдаты стражи (от Матфея xxvi. 67; xxvii. 30). Арийцы не менее чем семиты с бешенством и презрением плевали на Иисуса в Его святое лицо. Европейцы повинны в этом не меньше азиатов: «[...Закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что] заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом». Но, в первую очередь, Христос подвергся издевательствам со стороны Своего собственного народа, со стороны тех, кто знал Его лучше всего и прекрасно понимал все значение оскорбления подобного рода согласно их же собственным Писаниям.

Какое сильное откровение для нас, насколько грех и неверие разрушают человеческое достоинство, убивают способность рассуждать, развращают нравы! Ведь плевать — это означает показывать свою озлобленность. Яд человеческой ненависти истекал из самой глубины их потемневших от злобы сердец. Эта сцена, описать которую невозможно, передана лишь в нескольких словах. Подобно тому, как на некоторых из полотен Рембрандта задний план оставлен темным, будто ночь — такова и чернота человеческого сердца, безнадежная испорченность человека, его трусливая ненависть ко всему хорошему и чистому.

Они не могли плевать Ему в лицо до тех пор, пока не связали и не ослепили Его. И так бывает всегда. История хранит немало свидетельств о людях, кто плевал в лицо Иисусу или в лица Его учеников. На каждой из страниц «Красной книги» христианских мучеников можно найти не только жестокое обращение с ними, но и презрение и насмешки. Пришлось на себе испытать это и Апостолу Павлу. Он писал: «[...хулят нас, мы молим:] мы как сор для мира, *как прах, всеми попираемый* донныне». В то время как Бернар Клервосский воспевал:

«Сама мысль о Тебе, Иисус,
Мою грудь наполняет блаженством»,

прочие вынуждали народ проклинать имя Христа по причине жестокостей инквизиции и крестовых походов. Сколько же отступников, безбожников и неверующих людей плевали от избытка своей ненависти и всячески поносили Назарянина! Со дней Иуды не бывало подобных врагов креста, как внутрицерковные отступники. Император Нерон был жесток, проливая кровь первых христиан, но ему было далеко до ненависти, проявленной по отношению к последователям Иисуса христианином-отступником Юлианом. Он сначала принял Христа, но затем отверг Его. Другим таким примером служит Гиббон, который был то членом протестантской церкви, то переходил в католичество, а потом последовательно отрекался от своей веры. Философ Ницше пал так низко, что позволяет себе говорить о Христе в таких выражениях, которые иначе как плевками не назовешь: «Христианская концепция Бога, как божества слабых, Бога,

подобного пауку — Бога, как духа, является одной из наиболее извращенных концепций Бога, когда либо воспринятых на земле. Вероятно, она представляет собою самую нижнюю отметку на пути приливов и отливов в эволюционном развитии представлений человечества о том, каким должно быть божество. Бог дегенерировал до противоречия с жизнью, вместо того, чтобы быть ее воплощением и вечным утверждением. Я называю христианство одним большим проклятием, одним огромным и глубочайшим извращением, одним большим инстинктом воздаяния, для которого абсолютно любые средства являются приемлемыми и не считаются ни слишком коварными, ни аморальными, ни слишком мелочными. Я считаю его одним бессмертным и позорным недостатком человечества». Ну, может ли человеческая ненависть зайти еще дальше?

«Стыд душу раздирает всю, мне умножает рану,
Острей гвоздей, что вбиты в плоть, мне это чувство срама.
Смеются надо мною те, кто издеваться волен,
А я же связанным вишу — ну есть ли горше доля?!»

Однако нам следует обратить внимание в скорбной картине подвергнутого поношения Христа на абсолютную безрезультатность всей этой сатанинской злобы, равно как и на триумфальное владение Собой посланного нам Богом Спасителя, Его полнейшую уверенность в победе. «Блаженны вы, — **говорит Он** (и разве Он не **чувствует** это?), — когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали *и* пророков, бывших прежде вас».

Ессе Номо! («Се, Человек!») Он принял за нас страдание, оставив нам пример, как мы должны во всем следовать Его путем. «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха». Подумайте же о Том, Кто, когда был злословим, не злословил в ответ.

Quis patitur?
Christus Verbum
Sapientia Patris
Quid patitur?
Spinas, verberas
Sputa, crucem.
Sic patiente Deo
Tu quoque disce pati.¹

1

«Кто же это здесь страдает?
То Христос — Святое Слово и Премудрость от Отца!
От чего же Он страдает?
— От плетей, шипов колючих, от плевков и от креста.
Ну, коль скоро Бог страдает,
Так и ты учись страдать!»

ГЛАВА V

«ВЗЯЛИ ОДЕЖДЫ ЕГО И РАЗДЕЛИЛИ»

(Пс. xxi. 19; от Матфея xxvii. 28, 35; от Марка xv. 24;
от Луки xxiii. 34; Иоанна xix. 23)

«То, что раскрывается здесь перед нами, является квинтэссенцией Вечной Мудрости, Тайной обителью в самом сердце жизни: вот это Слово, которое вечно через все вещи. За покровом природы и искусства, за религией, знанием, красотой, любовью в мириадах ее форм — мы прибегаем к последнему убежищу, чтобы увидеть это благородство Создателя, достигшее своей высшей точки. Скорчившееся в агонии, униженное ради нас до полной беспомощности, это Благородство ничего себе не оставляет, лишь бы нашим заблудшим душам досталось хоть немного света. Непознаваемое и Абсолютное Божество, Чьей мысли мы обязаны своим существованием, лишенное Своих одежд и выставленное на осмеяние перед непонимающими глазами всех Его созданий, любящих и безразличных, злых и добрых одновременно».

ДЖОН КОРДЕЛЬЕ, «Тропою вечной мудрости».

ОБНАЖЕНИЕ Христа! Это ужасное испытание, которое пришлось пережить нашему Спасителю Иисусу, описано всеми четырьмя евангелистами. И Марком, которому самому пришлось обнаженным спастись от толпы преследователей в саду, и Матфеем, от внимательного глаза которого не ускользнуло, что такое поношение Христа явилось прямым исполнением пророчества из мессианского Псалма: «Делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий». И Иоанн также обращается к этому псалму, в строках которого приводится наиболее точное и детальное литературное описание полноты агонии, переживаемой приговоренным к распятию на кресте: «Пронзили руки мои [и ноги мои]». «Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище».

Подобное переживание должно было быть одним из наиболее тяжелых мучений для личности Христа, по причине Его чистоты и обостренного чувства Его человеческого достоинства. «[Воины же, когда распяли Иисуса,] взяли одежды Его», — говорит Иоанн. Нагим Спаситель вышел из утробы матери, и нагим же Его повесили на древе.

Первый человек, «первый Адам», вынужден был терпеть физическую и моральную наготу в раю из-за своего прегрешения. «Второй (или последний) Адам», Христос, принял на Себя подобие грешной плоти, и потому срам от нашей собственной наготы оказался и Его срамом.

Слово стало плотью, и люди смогли узреть Его славу — и они смотрели на Его наготу, ибо и нагота Его, да! да! оказалась Его славою. Христос Божий

оказался лишен Своих одежд. Это оказалось для Него предельным унижением. Он был лишен одежды для того, чтобы мы смогли облечься в белые одеяния праведности, в Его праведность — чтобы мы, когда смерть обнажит нас, не оказались абсолютно нагими.

Все древнеримские писатели, говоря о распятии как о способе казни, соглашались, что жертва прибывалась гвоздями ко кресту, будучи полностью обнажена. Иудеям, как нас уверяют, якобы разрешалось выдавать набедренные повязки для преступников из числа их единоверцев, и современные представители искусств делают то же самое, пытаясь смягчить перед нами ужасающую сцену казни. Тем не менее, мы вынуждены добавить к жалостной картине распятия еще и это последнее и наиболее кошмарное унижение человека. Срывание того священного покрова, символа интимности, свидетельствовавшего о чистоте, который даже самые святые из мучеников боялись утратить во время своей казни — и через это Христу пришлось пройти за нас! А что пришлось испытать женщинам-армянкам во время массовой резни 1915 года: ведь насильственное лишение одежд для них было горше самой смерти! Годайва из Ковентри, «одетая в непорочность», чувствовала каждую щелочку в стенах городских домов, сквозь которую на нее мог кто-нибудь глазеть. И так же пришлось страдать Христу. И мы сами, допускающие столь развратные намеки на полотнах наших художников, не должны проходить мимо этого безразличными.

«Взошел на холм наш Иисус, там столб уже стоит,
Ко древу старому Его готовы пригвоздить.
Из терния сплетен венец — кровотоцит душа!
Жестоки нравы тех времен, не стоит жизнь гроша.

Когда ж зашел Он в Бирмингем — спешат все по делам,
Никто не трогает Его, “Пусть умирает Сам!”
Смягчились нравы у людей, мы боль не причиним!
Пусть мокнет под дождем Один — мы по делам спешим!

“Прости их, — молит Иисус, — творят, не знают, что!”
А дождь холодный льет и льет, до нитки Бог промок,
Народ укрылся по домам, спешат согреться кофе,
Прижался ко стене Иисус и плачет о Голгофе».

В ужасной казни посредством распятия тесно переплетаются два аспекта, страдание физическое и нравственное: к агонии человеческого тела добавляется агония души. Безжалостное бичевание, боль в руках и ногах, пронзенных гвоздями, жажда от лихорадки, плюс ко всему — пульсация жаждущих облегчения перенапряженных мускулов, которым приходится удерживать вес измученного тела. Отвергнутый своими единомышленниками, окруженный грешниками, раздетый донага, обливаемый потоками проклятий, вынужденный выслушивать насмешки Своих сотоварищей по страданиям: вся сцена превращается в какой-то сверхъестественный мрак.

Его горестный крик показывает нам, доказывая раз и навсегда, что страдания Его души стали душою Его страданий:

«И вот, свершилось, зри, сердешный!
Муж за тебя скорбей приговорен,
И Агнец Божий заклан вместо грешных,
В слезах Он на Голгофу возведен.

Его святое Тело тянут, разрывая,
Железом к дереву оно пригвождено,
Святое Его тело обнажают,
Лишь кровью прикрывается оно».

Думая об этой стороне смерти Иисуса Христа, нам на ум приходят три мысли. Первая: Он был раздет донага, оказавшись на кресте полностью обнаженным. Вторая: служители мира сего до сих пор срывают с Христа Его одежды, и делят их между собою Его, бросая жребий. Третья: и христианин также должен быть на своем кресте обнаженным, как мы некогда обнажали Спасителя. Некий вдумчивый мыслитель сказал как-то: «Нельзя любить Христа безнаказанно; нельзя поднять свой крест безнаказанно — принимаешь ли ты его, или уклоняешься, встреча с крестом не проходит бесследно, она оставляет рану». Нет никаких сомнений, что эта мысль является результатом размышлений о том, как срывали одежды с Иисуса.

На Голгофе становится ясным глубочайший смысл Божия воплощения в человека. Для Св. Павла этот момент становится кульминацией унижения Христа. «[Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и] по виду [став] как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Филиппийцам 2:6-8). Здесь один из ответов на вопрос праведников в великий Судный День: «Господи! когда мы видели Тебя [алчущим, или жаждущим, или странником, или] нагим...?» (от Матфея 25:44). Он ничего не скрывает. Иов в своем унижении восклицает: «Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться!» (Иов 13:15). Сам же Иисус [как бы] говорит: «Хотя они и распинают Меня, однако Я покажу им всего Себя — Мои руки, Мои ноги, Мой кровотокающий бок». «Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище» (Псалом 21:18).

Сам Царь находится здесь, среди людей, но не в Своей славе, а в абсолютной наготе. Для всех присутствующих, все равно, для кого: для воинов, толпы, священников, для любимого ученика Иисуса, для женщин, и для Его матери — Бог проявляет Себя в человеческой плоти, но вовсе не в ожидаемой нами неопикуемой славе и чести. И лишь только тот, кто сам видел эту сцену воочию, мог бы написать в своем «Послании к Евреям» следующие слова: «[И отпадших, опять обновлять покаянием, когда] они [снова] распинают [в себе] Сына Божия и ругаются Ему». Нечего и удивляться, что завеса в храме разорвалась посредине подобной трагедии.

«Свой лик светило скрыло в темноте,
Могло б угаснуть солнце и до века,
Когда Создатель мира жизнь отдал
За грех Его творенья — человека».

В Своем бессилии и мучительной агонии, Иисус претерпевал не только физические страдания на кресте, но, во имя той радости, которую Он предвидел в будущем, Ему пришлось переносить и ужасный позор.

Именно в этот момент, согласно Евангелию от Луки, Иисус и произнес знаменитую фразу: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят!»

Над главою Спасителя была прибита издевательская надпись по приказу Пилата: «ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ». Царь: без пурпурной тоги, царь, Чьим тронном служил крест, у подножия которого солдаты делили Его одежды и бросали жребий, кому из них достанется Его покров.

Как же может кто-либо после всего этого стыдиться Иисуса, или же заново распинать Его, предавая новому позору?

Эта сцена оказалась пророческой. Ибо на протяжении девятнадцати столетий Христа вновь и вновь распинают и выставляют на всеобщее осмеяние.

«Такое дело: огромная толпа народа,
Решив от дел на время устранившись,
Нашла себе забаву, на солдат взирая.
Придумали солдаты им потеху —
Сначала чуть не дрались, но потом, играя,
Решили бросить жребий — справедливо,
По мнению их, так поступить с одеждой.
И вот, азартно мечут кости, ободряя,
Себя, чтоб выпала удача и хитон
Того, Кто только что скончался».

Но каково же одеяние Иисуса? «Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием; Ты одеваешься светом, как ризою, [простираешь небеса, как шатер]». Вся видимая вселенная служит Богу величественным одеянием. Небеса являются завесою, покровом, скрывающим Его славу. Облака у Бога вместо колесницы. А поскольку Иисус является «Богом истинным от Бога истинна», Апостол Иоанн не колеблясь заявляет: «[Все чрез Него начало быть, и] без Него ничто не начало быть, что начало быть».

В таком случае, вся чарующая красота природы является Его творением — это и есть Его цельное одеяние могущества и великолепия. Науки и искусства в состоянии лишь раскрывать и пристально изучать или подражать той красоте и порядку, что присущи природе изначально, потому что это Христос создал ее таковою. И очередной кроваво-красный закат по-прежнему оказывается

«одеянием» «Того, Кто только что скончался».

Нет ни одного изящного искусства — живопись, скульптура, музыка, архитектура — которое не становится еще утонченнее благодаря влиянию жизни и смерти Иисуса. И, однако же, как же часто художник или музыкант срывает со Христа Его одежды по своей собственной прихоти и затем оставляет Его висеть нагим, выставленным на всеобщее посмешище. Дарвин в своей теории «Происхождение видов» делает попытку объяснить происхождение человека и его место в природе, при этом полностью игнорируя Сына Человеческого. Но как же тогда быть с происхождением Самого Иисуса? Ведь за видимым и осязаемым миром существует иной, невидимый, к которому науке никак не подобраться. Когда мы обнажаем творение, пытаемся объяснить все законы, согласно которым оно существует, и забываем обратиться к его Создателю, становимся ли мы богаче, или обедняем себя? Вот идет человек, как сказали бы когда-то в Иерусалиме, на котором цельный хитон, какие носят жители Назарета. Но знают ли люди путь к сердцу этого человека?

В чистой науке нет места для моральных ценностей. «Если мы искренне и всецело примем популярные научные концепции, — считает Джеймс Т. Адамс, — мы неизбежно подвергнем разрушению все ценности в жизни человека. Искусства уже начали показывать это влияние науки, ведущее к вырождению. Например, какой смысл в художественной литературе писать о характере, если понятие характера отсутствует, если личность объявляется мифом, если свобода действий считается выдумкой, а все мы отныне — не более, как достижение некоего состояния разума, и наша собственная значимость приравнивается к способной фосфоресцировать плесени, что мерцает на гнилом куске дерева?»

Равным образом и философия срывает с Иисуса Его одеяние. Философы, разумно или неразумно, начинают обсуждать те самые вопросы, для ответа на которых Он пришел в мир. А ведь только Он Сам служит ответом на эти вопросы — и философы совершенно забывают о Нем в своих диспутах. Недавно вышедший из печати учебник, широко использующийся в американских колледжах, озаглавлен «Проблемы современной философии», и ни на одной из пятисот семидесяти пяти страниц этой книги нет ни единого упоминания об Иисусе Христе! И это притом, что Он был призван дать ответ на фундаментальные вопросы философии: откуда мы взялись, почему мы здесь, какова наша подлинная природа, в чем наша цель, что такое жизнь, что такое смерть, в чем тайна боли, и в чем состоит подлинная надежда человечества. Спиноза, Гегель, Шопенгауер, Кант, Хаксли, Спенсер, Бергсон и прочие — ну разве не бросают они жребий о совлеченном с Христа хитона?

Современная этика раздевает Иисуса, произносящего Нагорную проповедь, но отказывается карабкаться вместе с Ним на Голгофу. Те, кто никогда не входил вместе с Ним в Гефсиманский сад и не являлся свидетелями Его агонии, бойко рассуждают о «Старшем Брате» и о всемирном «Отцовстве» Бога. Они не представляют цену всему этому. Новая теология, современный индуизм, обновленный ислам и сегодняшний иудаизм с готовностью ухватываются за этику

Иисуса и провозглашают ее, но отрицают Его Божественность. Все, что в этих новых религиях и философских учениях прекрасного, благородного и истинного — все это позаимствованные у Христа одежды. «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части...»

Социологи-обществоведы проповедуют социальное евангелие и забывают, что их социальное евангелие было рождено в Вифлееме, и права человека были запечатлены кровью на Голгофе. Крест, некогда бывший символом вины и позора, благодаря Тому, Кто на нем распяли, превратился в символ любви и сострадания, символ храбрости, приверженности и мученичества. Как можем мы говорить об общественном служении, оставляя в стороне Христа? Когда люди приходят в госпитали Красного Креста, в приюты, дома для престарелых или в центры социальной помощи, где проявляется дух христианства, но о Самом Христе нет и упоминания, и Слово Его не проповедуется, наши души кричат вместе с Марией: «Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его!» Символ Христа остается, но Самому Ему места внутри служения не находится. Нет для Него места! Мы каждый год щедро рассылаем друзьям и знакомым рождественские поздравления, но на наших открытках отсутствует упоминание о Его дне рождения и пришествии. Одежды Христа здесь, но Самого Его нет и в помине. Люди продолжают бросать меж собою жребий о Его хитоне, пока Сам хозяин висит на древе: одинокий, нагой, всеми забытый. «И когда насмеялись над Ним, сняли с Него [багряницу, и одели Его в] одежды Его, [и повели Его на распятие]» (от Матфея ххvii. 31). Нечего удивляться, что отцы [православной] греческой церкви в своих пасхальных литургиях после того, как перечисляли отдельные раны нашего Спасителя и призывали Его смиростивиться ради каждой из них, заканчивали службу таким обращением: «За ради ран Твоих и страданий **неизвестных**, понесенных Тобою на кресте, но нам неоткрытых, помилуй нас и спаси нас!»

Нам необходима молитва такого рода. Ведь и христиане точно так же обнажены на своих крестах, как был обнажен Он на Своем. Ученик не выше своего Учителя. Мы всегда на глазах у людей, когда несем в гору каждый свой крест. Терпение вырабатывает в нас опыт. По ужасному мосту над пропастью смерти может пройти лишь обнаженная душа. Карлайль изображает людей всех до одного похожими, когда они обнажены и лишены своих знаков отличия, связывающих их с работой, с мирской честью, с той гордостью за свои места. Эти украшения и производят в нас различия, а нагие люди Карлайля ошеломляюще похожи. И ничто так не обнажает внутренней сущности человека, как страдание. Огонь разделяет. Распятие обнажает. Вот так они и висели: Иисус, Дисмас и Гестас, каждый на своем собственном кресте, каждый рядом с другими приговоренными. Один из них был мертв во грехе, другой оказался мертв для греха, а Третий оказался Сам смертью для греха. Богохульник, верующий, Спаситель. Один умер и утратил свою жизнь, другой свою жизнь обрел, а Третий отдал Свою жизнь Сам. На кресте Бог и люди видят нас такими, какие мы есть. Смерть обнажает нас, срывая с нас все прикрасы, оставляя лишь внутреннюю сущность, душу. Все, чем мы пытались приукрасить себя, исчезает. Когда мы предстаем перед креслом Судии, мы предстаем нагими. «Наг я вышел из чрева матери моей, — сказал Иов, — наг и возвращусь». «Все вещи будут обнажены и

положены прямо перед глазами Того, с Кем нам придется иметь дело», когда мы перейдем по мосту смерти.

Таким образом, взирая на нашего Спасителя на кресте, мы должны стремиться к тому, чтобы «...облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетым не оказаться нагими». «[Се, иду как тать:] блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы не ходить ему нагим и чтобы не увидели срамоты его» (Откровение хvi. 15). Это — наиболее часто забываемая людьми из тех семи заповедей благодати, что приведены в книге Откровения Иоанна Богослова.

«На небесах нет места для глагола “иметь”; он уничтожен там глаголом “быть”». Мы не будем там более ничем владеть, но сами превратимся в вечную собственность. Кто сии, облаченные в белые одежды? Они одеты в праведность, но в праведность не их собственную, и посередине огромного множества людей в белых одеждах стоит Тот, Кто был обнажен на кресте, а ныне мы видим Его «...облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом».

Живописец Дж. Т. Уаттс попросил Фредерика Шилдза разъяснить ему точный смысл цветов, в которых была изображена его «Вера». Тот ответил: «Она является уверенностью в вещах небесных для нас смертных, нашедшихся в ловушке вещей плотских, а посему небесный цвет ей свойственен. Голубой — цвет ее мантии и крыльев. Однако само одеяние ее белое, без единого пятна. Это от того, что те, кто пытаются заслужить себе праведность делами, упускают из виду ту праведность, что может обеспечить лишь Вера». Будучи облаченными в царские белые одежды, мы наконец сумеем понять все то духовное и пророческое значение, что заключают в себе слова: «...взяли одежды Его и разделили...»

ГЛАВА VI

«БОЖЕ МОЙ, БОЖЕ МОЙ! ДЛЯ ЧЕГО ТЫ ОСТАВИЛ МЕНЯ?»

«“Крестный псалом” начинается со слов: “Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?”, а оканчивается в изначальном оригинале, согласно некоторым ученым, словом “свершилось”. Что касается тех жалостных рыданий, вырывающихся из самых глубин страдающей души, мы можем сказать об этом псалме, что ему “нет равных”. Это как бы точная фотография самых мрачных часов из жизни нашего Господа, запись Его предсмертных слов, сосуд-слезница для сбора Его последних слез, памятник Его прервавшейся радости. Давид с его собственными чувствами присутствует здесь в очень отдаленном смысле, и, подобно тому, как свет отдельной звезды затмевается сиянием взошедшего солнца, тот, кто видит перед собой Иисуса, вероятно, не видит и нисколько не заботится увидеть Давида. Перед нами разворачивается описание как тьмы, так и славы, осиявшей крест, страданий Христа, и славы, которая должна последовать за Его страстями. О, во имя благодати, приблизиться и созерцать эту величественную картину! Нам следует читать эти строки с благоговением, сняв обувь с наших стоп, подобно Моисею, который скинул свою обувь пред неопалимую купиной, ибо если и есть где в Писании священное место, так это точно этот псалом».

ЧАРЛЬЗ Х. СПЕРДЖЕН.

ЭТА ФРАЗА — единственная из «семи слов», произнесенных Христом на кресте, которую приводят как Марк, так и Матфей. Те же самые слова мы встречаем в качестве открывающей Двадцать первый Псалом строки, но ни один из евангелистов не упоминает об этом, как о сбывшемся пророчестве. Спустя шесть часов непрерывной агонии на столбе, страданий телом и душой, с уст нашего Спасителя срывается этот крик. Первые Его слова на кресте: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят!» — это молитва о прощении. Далее следует обещание покоя раскаявшемуся грешнику: «Ныне же будешь со Мною в раю!» Третья Его фраза проникнута нежной заботой — она направлена к Его матери и смысл ее касается именно ее: «...Жено! се, сын Твой. [Потом говорит ученику:] се, Матерь твоя!» Затем землю окутывает сплошная тьма. И перед тремя последними «крестными словами», быстро следовавшими одно за другим — «Жажду!», «Совершилось!» и «Отче! в руки Твои предаю дух Мой!» — Его грудь разрывается стоном отчаяния: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты?...»

«Никому из спасенных не дано было знать,
Как глубоки те воды, что Он перешел,
Сколь густым был тот мрак, сквозь который Он шел,
Чтоб овечку заблудшую в ночи отыскать».

То, что эта фраза среди всего, произнесенного Иисусом на кресте, выделяется какой-то исключительной силой, и в ней сокрыто особенное чувство,

видно по тому, что два евангелиста с усердием приводят эти слова на том языке, которым пользовался наш Господь — и только в этом случае: «**Элои! Элои! ламма савахфани?**» (вариант Марка, у Матфея: «Или, Или! лама савахфани?»). Более того, нигде на страницах Священного Писания, за исключением Двадцать первого, «Мессианского», Псалма, мы не встречаем повторения этой фразы. Этот крик выражает страдание, какого еще никому не приходилось испытывать в сем мире, и никому не доведется больше испытать.

Существует церковное предание, авторство которого относят Лудольфу Картузианскому, жившему в четырнадцатом веке, что наш Господь, будучи повешен на крест, начал декламировать слова Двадцать первого Псалма. Он продолжал свои молитвенные декламации, пока не дошел до шестого стиха Тридцатого Псалма: «В Твою руку предаю дух мой...» Если отложить в сторону эти фантазии, для нас нет никаких сомнений, что именно в псалмах, слова которых постоянно были в сердце Христа, а зачастую и на Его устах, мы находим разъяснение и Его жизни, и Его характеру Мессии, как ни в одной другой книге Писания. Ведь воистину, в Двадцать первом Псалме перед нами встает столь достоверная картина распятия человека, что мы задаемся вопросом: это описание реального случая, или же пророчество? Штраус и иже с ним, конечно же, заявляют, что очевидная схожесть Евангелия с этим текстом является чистейшим совпадением, что все это миф, и вся история притянута за уши, чтобы подтвердить исполнение еще одного из отрывков Ветхого Завета!

Как бы то ни было, для верующего этот крик Христа является откровением того глубочайшего страдания и боли, что выпали на долю нашего Спасителя, а также служит подтверждением Его бесконечной любви к падшим грешникам. Предсмертный стон Христа призывает нас, подобно тому, как он послужил ранее призывом ко всем святым, упорно стремиться к познанию того, «что широта и долготы, и глубина и высота» и «уразуметь превосходящую разумение любовь [Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею]».

Если слово о кресте оказывается самой сердцевиной истины Нового Завета, то этот крик Христа — суть этой истины, ее самое сильное выражение. Это — «святое святых» для каждого, кто с благоговением и трепетом читает историю страстей Христовых.

Вот как это верно заметил Сперджен: «Нам обязательно следует подчеркнуть каждое из слов этой фразы, являющейся крайним пределом горя и отчаяния, когда-либо произносимого человеком. “**Для чего?**” Какова же была та архиважная причина, чтобы свершиться столь удивительному делу: Бог оставил Своего Собственного Сына в такой трудный момент и в столь плачевном положении?! В Нем Самом не могло быть причины для этого, так почему же Он был оставлен? “**Уже**” — это слово свидетельствует о том, что все уже свершилось, и Спаситель чувствует на Себе весь ужас этого состояния, что и подтверждается Его вопросом. Да, Он, воистину, оставлен, но какая это загадка для нас! Того, Кто Сам по Себе является Великой Уверенностью, заставляет кричать вовсе не угроза оставления [Отцом] — во время казни Он переносит

именно само оставление, а не только его угрозу. “Ты” — о, Я могу понять, почему бежал предатель Иуда, или снедаемый неуверенностью Петр, но Ты, Мой Боже, Мой верный Друг, как можешь Ты покинуть Меня? Это хуже всего, о, да, хуже всего остального, вместе взятого! Боль от отделения души от Бога можно сравнить лишь с ожогами от самого жесточайшего пламени ада. “Оставил” — если бы Ты лишь продолжал наказывать, Я мог бы вытерпеть это, ибо Твое лицо продолжало бы сиять передо Мною, но полностью покинуть Меня — ах! зачем же это случилось?! “Меня” — Твоего невинного, послушного, страдающего Сына, зачем же Ты оставляешь Меня погибать?! Когда мы взираем на самих себя после покаяния, равно как и когда верою представляем себе Иисуса, страдающего на голгофском кресте, мы наилучшим образом получаем ответ на этот вопрос. Иисус был оставлен [Отцом], потому что наши грехи отделили нас от нашего Бога».

Для того чтобы лучше понять, какое страдание тела, разума и души оказалось заключено в этом крике, нам следует обратить свой взгляд на окружавшие Христа обстоятельства. Распятие представляло собою наиболее отвратительное мучение, изобретенное древним миром. Это была самая крайняя казнь согласно римскому уголовному праву. Оно включало в себя как физическую агонию, так и абсолютный позор. В первом случае мучения достигались за счет неестественного положения тела казнимого: за пульсирующей болью в пронзенных гвоздями руках и ногах, лихорадочной жаждой и постепенным истощением организма неизбежно следовала смерть. Позор же буквально удваивался в том случае, если казнимый принадлежал к иудейскому вероисповеданию, ибо крест являлся для иудеев предметом ужаса и символом проклятия Божия (Галатам iii. 13; Второзаконие xxi. 23). И прибавьте ко всему этому тот потрясающий контраст между святостью Христа, Его невинностью и Его божественным величием; и бесчеловечными насмешками, презрением и гнусными издевками, которыми беззащитная жертва предавалась не только со стороны тех, кто стоял в толпе зевак у креста, но даже и тех, кто был повешен рядом на древе, подобно Ему Самому (от Матфея xxvii. 44; от Луки xxiii. 39). И задавали тон этим насмешкам над Иисусом первосвященники: «Других спасал, а Себя спасти не может! ...Раз Он надеется на Бога, вот пусть Бог Его теперь и спасает!» И ответом всему этому служит мрак: сверхъестественная темнота, которая покрывала всю сцену с шестого по девятый час дня. И после этих трех часов кромешной тьмы, и из тьмы Своей агонии одиночества, раздается громкий вопль Иисуса: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего?..»

Меланхтон и прочие деятели Реформации объясняли этот крик как свидетельство того, что Христос в Своей человеческой душе испытывал гнев Божий против греха. Другие же утверждают, что это восклицание указывало на то, что Его планы политического характера рухнули, то есть, это — крик глубоко разочарованного патриота своей страны. Прочие же, включая Шляйермахера, заявляют, что в этом крике заключается открытый приговор из Псалма великого плача, в его наивысшей точке — это подтверждение и заключение того, что свершил Иисус, пришедший к нам в качестве Мессии. Майер говорит, что из-за той агонии, что была порождена отвержением со стороны людей, Иисус «утратил на секунду **осознание** той общности, что была у Него с Богом»: отсюда и это крик. Ольгаузен же пишет о «действительном, объективном и недолговременном

состоянии покинутости Богом». Д-р Филипп Шафф усматривает в этом переживании Христа усилившееся возобновление Его агонии в Гефсиманском саду, равно как и кульминацию Его страданий в качестве заместительной жертвы: «То было божественно-человеческое ощущение греха и смерти в их внутренней связи и в универсальном значении для всего человечества, переживаемое Тем, Кто был совершенно чист и свят, загадочное и неопишное страдание тела и души при виде неизбежно надвигающейся смерти, и с учетом непрекращающегося сопротивления ей. Смерти, как последствия тяжести греха, и кульминации всех невзгод человека, от которых Спаситель был свободен, но которые добровольно принял на Себя за все человечество, по причине Своей безграничной любви к нему».

И безусловно этот крик не являлся, как зачастую убеждают нас мусульмане, результатом страха смерти у Христа и свидетельством недостатка в Нем смелости посмотреть ей прямо в лицо. Даже неверующий, Жан Жак Руссо, прекрасно понимал это, и восклицал: «Если Сократ умер, как философ, то Иисус из Назарета — как бог!»

Без того, чтобы не уверовать, что Иисус вознес наши грехи в Своем теле на древо, без принятия того факта, что Он в Своей смерти послужил за нас искупительной жертвой, Его вопль на кресте останется необъяснимой тайной. Однако, если Иисус действительно явился Агнцем Божиим, и Бог возложил на Него грехи всех нас, тогда мы получаем надежный ключ к разгадке причины такого тяжкого страдания.

Ведь если смерть Христова была не более чем гибель одного из величайших мучеников за правду, подобный вопль отчаяния был бы явно неуместен. Однако если Он умер, Праведный за неправедных, если Он «был соделан грехом за нас», тогда получается, что это мучение от наших собственных грехов и грехов всего мира выжало из истерзанного тела нашего Спасителя тот крик страдания и одиночества. Ведь что есть Искупление? «Это удовлетворение, принесенное Божией справедливости по причине человеческого греха посредством заместительного страдания от наказания Его возлюбленного Сына».

Если нам по какой-либо причине не нравится столь богословское определение, мы можем обнаружить ту же великую истину, выражаемую в церковной литургии во время Господней Трапезы, когда мы призваны вспомнить о Его смерти. Что может быть прекраснее слов, используемых во время обряда причащения Реформированной Церковью Нидерландов: «Мы верим, что Он пострадал, позволив Его благословенному телу быть пригвожденным ко кресту, чтобы Он мог оставить пригвожденными к этому кресту все записи о наших грехах; также, что Он принял на Себя проклятие, чтобы Он смог наполнить нас Своими благословениями. И Он смирил Себя до самого ужасного позора и до адской боли, как в теле, так и душевно, на древе Своего креста, когда воскликнул громким голосом, “Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты оставил Меня?”, чтобы мы могли быть приняты Богом и никогда не оставлены Им».

В последней строфе поэмы г-жи Браунинг, высеченной на могиле Каупера, мы встречаем ту же самую мысль:

«О, да, Иммануила крик вселенную потряс,
Взнеслася к небесам мольба: “Мой Боже, брошен Я!”
С Его святых уст стон слетел, средь падших человек,
Чтоб никому не довелось быть брошену вовек».

«И Он возложил На него грехи всех нас» — нашу вину, позорящие нас факты, наши обиды, наши угрызения совести. Все наши неудачи, провалы, прегрешения, долги, проступки, грехи; все наше безразличие, нашу нечистоту и неправедность. И нам совершенно незачем съезживаться от мысли, что может скрываться за этими словами. Мы никогда не окажемся в состоянии «излить презрение на всю нашу гордость», пока мы не осознаем, что примириться с Богом мы можем лишь по следующей причине: «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас *жертвою за грех*, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом». «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою [— ибо написано: проклят всяк, висящий на древе]». И не за наши грехи только, но за грехи всего мира Он был оставлен на кресте Богом. В какой то мере, все грехи и весь многовековой позор и стыд человечества прокатились перед Его взором, все волны и валы океана человеческого греха, пред Ним обнажились все глубины человеческого падения. Грубая похоть и темнота древних народов, вплоть до первобытного общества; упорное отступничество Израиля; гордыня Ниневии и Тира; жестокость Египта и Вавилона. Здесь и несправедливость человеческого сообщества и преступления в сфере экономики, множество борделей и все поля сражений. И предательство Иуды, и отказ Петра от своего Господа, как и тех, кто Его бросил; грехи Пилата, Ирода и Каиафы; все грехи человечества: в прошлом, настоящем и будущем. Каким-то непостижимо загадочным путем все это легло страшной тяжестью на Его сердце и нашло себе выражение в душераздирающем крике отчаяния. Разуму, служившему скрижалями для Закона Божия, пришлось в Гефсиманском саду и на Голгофе погрузиться в созерцание жуткого спектра мира человеческого греха. Вот такой мрачной, такой абсолютной и такой реальной оказалась пытка на кресте. Повторюсь: страдания души Христовой оказались душою Его страданий.

«Свой лик светило скрыло в темноте,
Могло б угаснуть солнце и до века,
Когда Создатель мира жизнь отдал
За грех Его творенья — человека».

«Смерть и страдания Христовы в каком-то отношении явились нечто гораздо большим, чем просто страдания, — пишет Форсайт, — это было искупительное действие. В разные эпохи развития церкви — не только римско-католической церкви, но также и церковей протестантизма — страстям Христовым придавалось преувеличенное значение. Но дело не в том, через какие **страдания** Ему довелось пройти, а в том, что он **совершил**. Страдания Христовы оказались деянием воистину Божьего масштаба, поскольку Он добровольно превратил их в

одно великое дело. Это были страдания, принятые и преобразованные благодаря Его святой покорности при условии проклятия и гибели, которые грех навязал человеку по причине абсолютной святости Бога. И Его страдания оказались жертвоприношением для Божией святости. В определенном роде, это было наказанием. Но само по себе жертвоприношение подразумевало в себе не количество приносимого или какую-то остроту наслаждений, но покорность жертвы и ее собственную святость».

И все же один момент при анализе этого крика отчаяния на кресте заставляет нас содрогнуться. После всего, что было сказано, с учетом того, что могут сказать люди для пролития света на смысл и значение вопля Христа, остается одна тайна: великая тайна искупления. Какой довод разума может изъяснить нам необходимость того, что предвечный и любящий Отец оставил Сына Своего Единородного? Оставил Его Одного во тьме и в столь тягостном положении? И находятся же такие люди, что с поспешностью, с излишней поспешностью, бросаются судить о Христе, как об объекте Божия гнева! Ведь даже и с учетом крайне осторожных оговорок, само такое допущение приводит к невыразимо болезненной мысли! Ведь для нас является совершенно бесспорным, что ни на одну секунду этот Божий Страдалец не мог оказаться предметом неудовольствия Отца Небесного: Ведь это Тот, Кто сошел с небес, чтобы творить волю Своего Отца, чтобы исполнить Свое предназначение, чтобы во имя Своей безграничной любви искупить падший мир ценою Своей Собственной жизни! И напротив, никогда еще мысль Отца не фиксировалась на Его Сыне с таким безоговорочным одобрением и таким сильным и нежным чувством: «Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее». Ни в одном другом случае не мог быть Иисус более уверен в осознании того, что Он вершит волю Своего Отца, и что Его поступок будет одобрен, и Он никогда не будет полностью оставлен.

Помимо всего прочего, в этом крике отчаяния отразилось все одиночество Иисуса в те дни, что Он пребывал на земле во плоти, одиночество, кульминацией которого стал крест. «Я топтал точило один».

Бывший одиноким при Своем рождении, одиноким в годы Его молчания в Назарете, одиноким в пустыне, одиноким на вершине горы. Поистине, Его уделом было одиночество и непонимание со стороны людей, одиночество подлинного вождя, одиночество в искушении, одиночество в молитве. Он оставался одиноким в толпе народа, как пребывал одиноким на горе в момент Преображения. Одинок Он был и в Своем горе, проливая слезы по Иерусалиму; и еще более оказался одинок в Гефсиманском саду, на Гаввафе и Голгофе. «Тогда, оставив Его, все бежали». «Возненавидели Меня напрасно». «[Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что] не сделал греха, и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению...» Таким образом, это оказывается Христос — Тот, Кому приходится испытать на Себе весь ужас, когда Отец отвращает от Него Свое лицо, и вот этот-то момент и является самым важным и окончательным ужасом греха. «Ибо [не знавшего греха] Он сделал для нас *жертвою за грех*».

«Я убежден, — заявляет Роберт Кибл, говоря об одиночестве Христа, распинаемого на кресте, — что, на самом деле, в Его крике страдания отразилось все то, что Ему довелось пережить в Своей жизни. Это были чувства, которые зародились и молча переносились Мужем Скорбей в самой глубине Его сердца. Без сомнений, все эти чувства многократно усилились на Голгофе, но Одинокий Страдалец, которого сей мир отверг по причине Его безгрешности, оказался отвержен и Богом, поскольку Он Сам оказался грехом. О, непостижимый парадокс любви! О, это был подлинный триумф чуда Его одиночества! В тот роковой девятый час распятия Иисус, Господь наш, оказывается совершенно одинок во всей широте смысла этого слова!»

«Слава, слава в высоте,
На земле и в глубине!
За все чудесные слова,
А за дела — вдвойне!
Какая щедрая любовь!
Тот, Кто врага поверг,
Во имя жизни всех людей
Жизнь на кресте отверг!»

ГЛАВА VII

«СЕЙ ЕСТЬ АГНЕЦ БОЖИЙ!»

«Среди древнейших надписей и росписей в гробницах египетских фараонов нам повсюду встречается один и тот же символ: ключ жизни. Довольно странно, но этот ключ изображается в виде креста. И когда мы садимся за наши “круглые столы”, то вновь и вновь, как озарение, открываем для себя, что крест и в самом деле является ключом жизни. Именно здесь, у креста нам открываются все глубины вещей; мы чувствуем, что в нем заключена суть всей вселенной, и что если бы мы смогли постичь пульсирующее в нем страдание нашего Господа, Страсти Господни, то постигли бы смысл и самой жизни.»

Тайна Христа заключается в Его жертвенном духе, достигшем своей кульминации в Его кресте. Понять это — значит, понять Христа. Понять Христа — значит понять Бога, а понять Бога — значит понять смысл жизни и тайну всей вселенной. Таким образом, крест является Ключом. И если я потеряю этот ключ, я обречен шарить вокруг вслепую. И вселенная для меня уже не откроется. Но, держа этот ключ в своих руках и бережно храня его в сердце, я знаю, что владею всеми ее тайнами».

Э. СТЭНЛИ ДЖОНС, «Христос за круглым столом».

ОДНА женщина, добровольно сделавшая себя изгнанницей ради Христа, долгое время трудилась среди магометан. Вкладывая в миссионерское служение всю душу, она писала из своей уединенной обители в Средней Азии: «Мы учимся здесь ставить на первое место в повседневной жизни самое главное, и двигаться вперед осторожно, но настойчиво — вперед, к нашей единственной цели. И, мне кажется, нам надлежит поступать именно так, сохраняя молчание для внешнего мира, ради того, чтобы оказаться в состоянии сделать хоть немного в этом замкнутом мире, в который Господь нас направил. Сейчас у нас появилась возможность открыто свидетельствовать о Христе, но в любой момент мы можем этой возможности лишиться, так что нам нужно сохранять осторожность, используя ее должным образом». Как люди, призванные свидетельствовать о Христе, мы не можем не задаваться вопросом, что же это за единственная цель, в чем суть нашего послания, какова та жизненно необходимая истина, на которой мы должны настаивать до конца? В чем состоит наша особенная, высшая, побуждающая к действию весть для нехристианского мира? Но разве она не выражена в словах Иоанна Крестителя, этого предвестника Нового Завета Израилю — Израилю, с которым у ислама так много общего? Тот «глас вопиющего в пустыне» предвозвещал об одном: «Вот Агнец Божий!»

Своей возможности свободно свидетельствовать о Христе Иоанн вскоре оказался лишен. Безжалостный меч царя Ирода сделал свою жестокую работу; но пока у Иоанна была свобода, он на первое место в своих делах ставил самое

главное. Это случилось на пятнадцатый год царствования римского императора Тиберия. Понтий Пилат был тогда правителем Иудеи; Ирод управлял Галилеей; Филипп и Лисий имели свои собственные тетрархии; а Анна и Каиафа держали под контролем служение в храме и ежедневные жертвоприношения. Весь Римский мир был охвачен беспорядками. Появлялось множество новых сект, и партий, и философов, но никто из них не мог даровать людям живой надежды. И тогда слово Божие посещает Иоанна в пустыне, и, услышав его, он возглашает: **«Вот Агнец Божий»**.

Словосочетание «Агнец Божий», применительно к нашему Спасителю, дважды встречается в Евангелии от Иоанна и один раз в Первом Послании Петра. Иоанн использует тот же самый титул в Книге Откровения не менее двадцати восьми раз, хотя там он употребляет слово «Агнец» в уменьшительной форме («маленький барашек»). Изучение этих отрывков помогает нам понять, как много значил этот титул для Апостола Иоанна, который возлежал на груди Иисуса, и понимал тайну Его искупительной любви, возможно, больше, чем кто-либо другой из двенадцати учеников. Именно в свидетельстве Иоанна Крестителя в первый раз мы встречаем упоминание об Иисусе. Вот это место: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира». «На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. ...Это происходило в Вифаваре при Иордане, [где крестил Иоанн]. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий».

Петр не использует этот титул напрямую, но, говоря о нашем искуплении от греха, он пишет, «... что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца».

В повествовании о видении Иоанна на острове Патмос нашему взору представляется «лев от колена Иудина, корень Давидов», который также является Агнцем Божиим (Откровение v. 5, 6). «И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный...». Четверо животных и двадцать четыре старца пали пред этим Агнцем (v. 8) и запели новую песнь, к которой присоединились тьмы тем и тысячи тысяч голосов: «...Достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение». И все создания присоединились к ним в многоголосом хоре, воспевая хвалу Агнцу.

Затем мы читаем в Откровении о том, как Агнец открывает одну за другой семь печатей, и Божьи наказания следуют друг за другом, сменяясь быстрой чередой, до тех пор, пока люди не взмолились в ужасе, прося сами горы пасть на них и сокрыть их от гнева Агнца (vi. 16). В то же время, искупленные в великом множестве будут стоять перед троном и перед Агнцем, и, облаченные в белые одежды, воспевают Ему хвалу: «...ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их» (vii. 10, 17).

Чуть дальше говорится о битве, которую искупленным надлежало вести против дракона и его ангелов, и этот дракон был побежден благодаря крови Агнца (xii. 11), и потому что их имена были вписаны в книгу жизни у Агнца (xiii. 8). И снова мы видим Агнца, стоящего на горе Сион (xiv. 1), и праведные следуют за ним [«это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел»], потому что «они искуплены из людей, как первенцу Богу и Агнцу» (xiv. 4); но те, кто поклоняются змею, будут мучимы в огне «[пред святыми Ангелами] и пред Агнцем» (xiv. 10). Победители будут петь хвалу Агнцу (xv. 3), а мятежники восстанут против Него (xvii. 13), но и их также Он победит, ибо Он — «Господь господ и Царь царей». После этого раздастся хор великого множества в небесах, поющий: «Аллилуйя!», ибо наступил брак Агнца (xix. 7). «...Блаженны званые на брачную вечерю Агнца». В финальных главах вся слава отдана Агнцу Божьему, взявшему на себя грехи мира. Святой город — это «невеста Агнца», апостолы — это «апостолы Агнца», а Агнец — «единственный Храм» великого города (xxi. 22) и «единственный светильник» это города славы (xxi. 23). И никто не сможет войти в тот святой город кроме тех, чьи имена записаны у Агнца в книге жизни (xxi. 27). Чистая вода реки жизни будет исходить от престола Бога и Агнца, ибо «престол Бога — это престол Агнца» (xxii. 1—3). «И узрят лице Его, и имя Его (то есть, имя Иисуса) будет на челах их». «...[Родит же Сына,] и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их».

Можно ли не согласиться с накопленными в этих отрывках свидетельствами, с тем, что Иисус, как Агнец Божий, является Спасителем грешников, Искупителем мира, Царем славы, Верховным Судией, Правителем народов, Единым с Отцом, в сущности Своего бытия, носящим все атрибуты Его мощи и все величие Его власти?!

И ведь все это было заключено в словах, произнесенных Иоанном Крестителем на берегу Иордана, когда он впервые увидел безгрешного Иисуса из Назарета, причисленного к грешникам при Своем крещении, но осиянного славою и честью посредством гласа с небес, возвестившего: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (от Матфея iii. 17).

Называя Пришедшего Агнцем Божиим, Иоанн, безусловно, осознавал значимость своих слов для тех, кто слушал его. Он не говорил загадками, но напомнил собравшимся перед ним об образе Мессии и о библейском пророчестве — наиболее вероятно, о «Рабе Господа» из пятьдесят третьей главы книги Исая. Упомянутый там «Раб Господа» несет за всех нас наши беззакония и подобно агнцу ведется на заклание. Говорить о том, что это место свидетельствует нам о кротости и смирении Иисуса (как пытаются делать некоторые современные ученые в своих недавних работах), без упоминаний об искупительной жертве, значит, исказить все остальные параллельные места. Как замечает Годе: «Без сомнения, это был тот контраст, который живо ощутил Иоанн между собою и Иисусом, и из всех прочих признаков Мессии, которые Ветхий Завет, безусловно, предоставил в его распоряжение, Креститель выбирает именно этот: “...Вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира”. Замечательно, что этому самому титулу Агнца,

под которым евангелисту довелось впервые распознать Иисуса, отдается предпочтение и в Апокалипсисе. Та струна, что начала вибрировать в тот знаменательный день в самых глубинах души Апостола, продолжала трепетать внутри него и при последнем дыхании Иоанна Богослова».

И музыка той струны звучала в унисон с собственной музыкой Христа и Его ранним учением; а именно, что Он пришел отдать Свою жизнь во искупление за других, и, более того, как Моисей поднял шест со змеем в пустыне, так и Сын Человеческий будет вознесен на кресте ради нашего искупления.

Никакое другое определение Христа не встречается столь же часто в церковных песнопениях и литургиях, как «Агнец Божий»:

«О, Агнец Божий, понесший грехи мира,
Даруй нам Твой покой.
О, Агнец Божий, понесший грехи мира,
Яви же милость нам!»

У Данте в его поэме «Чистилище» грешники в один голос скандируют ту же самую молитву о прощении:

«Лишь “Агнус Дэй” им началом был:
Повсюду эта фраза, она — всему мерило,
И ей благодаря гармония царит».

Иоанн Креститель привлекает внимание к личности Христа словом: «Смотри!» используя единственное число, хотя присутствовали при этой сцене многие. Каждый из нас должен взглянуть на Иисуса лично. Это необходимо для того, чтобы каждый мог удалить свою собственную вину, хотя Христос и убирает прочь грехи всего мира. «Он есть умилоствление за грехи наши, и не только за наши, но и за *грехи* всего мира».

Иисус из Назарета не носил ни царских уборов, ни драгоценной короны. Он был сыном простого плотника. Но Иоанн видит в Нем славу Единственного зарожденного от Отца, наполненного благодатью и истиной. Он — Агнец **Бога**. Греческое существительное в родительном падеже говорит нам и о происхождении, и о принадлежности. Бог послал Своего Сына, и Бог любит Его. В этом жертвоприношении нет человека, совершающего его: здесь Сам Бог, отдающий Свое собственное, Свое самое лучшее.

Ессе Номо! «**Се человек!**», — восклицает Пилат, указывая на Иисуса, увенчанного терновым венцом и облаченного в багряницу, покрывающую следы от бича и кровоподтеки. Ессе Agnus Dei! «**Се Агнец Божий!**» — говорит об Иисусе Иоанн сразу же после Его крещения, когда начинается служение Христа. Вот человек, который является Агнцем Божиим!

И с тех пор мир продолжает созерцать Христа, ибо образ Его заполняет все

горизонты истории. Его невозможно укрыть от глаз людских. Дело лишь в том, что многие люди смотрят на Иисуса, а затем отворачиваются в сторону, в то время как другим достаточно лишь бросить один взгляд на Христа, чтобы потом следовать Ему до конца. С большой пронизательностью Стаддерт Кеннеди описывает то, каким выглядит Иисус в современном мире:

«Он выглядит таким же ничтожным, каким и был всегда, окруженный толпою оборванцев — Своею церковью, которая восклицает: “Осанна!” в воскресенье, но бросает Его, унося ноги из Гефсиманского сада в пятницу. Она протестует, подобно Петру, а затем предаёт Его. Она спорит о том, кто главнее, и считает чересчур экстравагантным омовение усталых человеческих ног. Иисус окружен толпою жалких проповедников, таких же несчастных глупцов, как и я — тех, кто проповедует Евангелие, но не может жить согласно ему, кто заявляет о том, что любит, но кого не хватает даже на то, чтобы быть дружелюбным. Он выглядит таким же странным, как всегда, это — Тот же самый Христос, что воссел [одесную Отца] в покрытой грязью пурпурной лошадиной попоне на Своей кровотокающей спине, с короною из колючего терна, сползшей набок на Его голове, с шутовским жезлом в Своей руке, со слюною от плевков пьяных солдат, стекающей по Его лицу. Это — тот же самый Христос, но я страшусь и стыжусь Его, точно так же, как, я уверен, и каждый мой современник, пусть даже самый жестокий из всех хищников, в глубине своего сердца Его страшится. Он вызывает беспокойство и лишает мужества. Он подрывает самоуверенность и напрочь убивает гордыню. Он побуждает людей преклонять пред Ним колена, чего ни один сильный человек не сделает, кроме как перед Всемогущим».

Христос — это Агнец, которого Бог predeterminedил в умилоствление и в жертву за грех. В Иисусе, о чем так ясно говорится в «Послании Евреям», мы видим исполнение всего учения Ветхого Завета, относительно той крови, что была призвана искупать грехи. Это — величайший прообраз всех жертвенных таинств и ритуальных обрядов человечества. Агнец Божий, Который является объектом вожделения всех народов.

Противопоставляя славу горы Синай и еще большую славу, что открывается нам на горе Сион, с которой через Моисея был дан людям моральный закон, автор «Послания Евреям» подводит читателя к ошеломляющей кульминации. «Но вы приступили к горе Сиону, — пишет он, — и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к **КРОВИ** кропления, [говорящей лучше, нежели Авелева]».

Но каким же образом пролитие крови может обеспечить прощение грехов? Каково происхождение этого жертвоприношения? Откуда такая его универсальность? Не только в религии семитов, но и у всех других народов в обрядах жертвоприношений, мы находим три основополагающих идеи в жертве

умилостивления, а именно: ее заместительный характер, приносимое ей удовлетворение и ее достаточность. То же самое верно и относительно жертвы Иисуса на кресте. То, что Христос умер на кресте вместо нас, так же верно, как и то, на что горе Мориа Исаака заменил барашек, который был принесен в жертву вместо него. Смерть Христова стала удовлетворением за грех, утолением возмездия, приобретением милости, гораздо в большей степени, чем спасительная кровь, намазанная на притолоках, когда карающий ангел поражал всех первенцев, появившихся на свет в Египте. Христова смерть достаточна. Ему больше не надо умирать. Он на кресте Своей одноразовой жертвой совершил полное и окончательное «умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за *грехи* всего мира».

Трамбулл, в своем интересном исследовании «Кровь Завета», приводит превосходное резюме ранних семитских учений, со многими параллелями из Ветхого Завета, показывающее, что для этого народа «...без пролития крови не бывает прощения», ни покоя примирения. Чтобы понять, что имел в виду Иоанн Креститель, когда назвал Иисуса агнцем Божиим, нам надлежит обратиться к Ветхому Завету, на страницах которого находится основание всех идей и учений Нового Завета.

Взяв один-единственный пример из всей обширной сферы семитской религиозной мысли, мы найдем в исламе примитивный обычай, одобренный Мухаммедом. Он известен как жертвоприношение «Акика». Он практически универсален, распространен от Марокко до Китая, и основывается на ортодоксальной традиции. В мусульманском предании говорится о том, как Мухаммед совершил жертвоприношение «Акика» не только за своих двух внуков, Хасана и Хусейна, но и за самого себя («Акика ан нафсихи»). Произносимая при этом молитва популярна и по сей день. Принося в качестве примирительной жертвы барана или ягненка, который своей жизнью как бы выкупает семидневное дитя, мусульмане читают:

«О, Боже, это — жертва «Акика» от моего сына, такого-то и такого-то, кровь жертвы вместо его крови, плоть жертвы вместо его плоти, кость жертвы вместо его кости, кожа жертвы вместо его кожи, волос жертвы вместо его волоса. О, Боже, пусть эта жертва станет искуплением за моего сына от огня, ибо воистину, я обратил свое лицо к Тому, Который создал небеса и землю, я — истинный верующий. И я не из тех, кто выдумывает Богу сотоварищей! Воистину, моя молитва и мое подношение, моя жизнь и моя смерть, принадлежат Богу, Господу Мира, Которому нет равных! И так мне было повелено, и я принадлежу к мусульманам».

Среди мусульман принято, как было в случае с Пасхальным агнцем, чтобы ни одна из костей приносимого в жертву животного не была сломана! Именно Иоанн упоминает об этой детали, в связи с исполнением пророчества во время распятия Христа (Иоанн хіх. 36), ибо это он на Голгофе вновь видит пред собою: «Вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира».

Евангелие для мусульман и для всего нехристианского мира заключается в этой одной короткой фразе. Крест Христов, разумеется, — потерянное звено в мусульманском символе веры. Смерть Христова, ее неизбежность и историчность, ее значение и результаты, ее пафос и ее сила — все эти вещи сокрыты от мудрых и благоразумных в мусульманском мире, но Бог открывает это их детям. Когда ищущий истины подходит ко кресту и видит Распятого, он находит ответ на все свои вопросы. Исламская мистика, даже в своих лучших проявлениях, никогда не была в состоянии раскрыть тайну креста. В этом состоит трагедия многих духовных искателей, упорно преследующих свою цель, но никогда не достигающих ее. Газали, Шаарани, Джала-уд-дин-ар-Руми, Ибн-аль-Араби и многие другие богоискатели, прошли в своей жизни долгий и тернистый путь. Их учение о грехе и покаянии, прощении и видении Бога, содержит многое из того, что могло бы пригодиться, в качестве подготовки к Евангелию, но оно никогда не поднимается до Голгофы. Здесь Блудный Сын Аравии совершенно **сбил с пути** — и в результате этого сбил с пути многих. Но и мы сами рискуем заблудиться, если не будем на протяжении всей нашей долгой дороги следовать за кровавыми отметинами, начиная от первого обещания в книге Бытия, и заканчивая восхождением на Голгофу.

«Апостолы, — говорит директор Форсайт, — никогда, ни в какое время, не отделяли идеи примирения от креста и крови Иисуса Христа. И если мы когда-нибудь пойдем на это (как в наши дни уже начали делать многие), мы тем самым выбросим Новый Завет за борт. Та философская отравка, что во множестве случаев претендует на звание самой духовной религии в наши дни, попросту отбрасывает Новый Завет, а вместе с ним и все историческое христианство. Критики-экстремисты, люди, опирающиеся на монизм и имманентность, рациональную религию и духовный импрессионизм — это те, кто умышленно отбрасывают Новый Завет, как единое целое, вышвыривая его за борт, и начиная потом оценивать его по частям».

Когда люди говорят об искуплении, о старом общественном порядке или о преобразовании жизни путем изживания корыстности и стремления к святости **без учета креста Христова**, они следуют несбыточным мечтам. Мы можем быть полными оптимистами, лишь когда видим Божью цель даровать миру милость достигнутой. Ведь тогда перед нами открываются новые эры и новые перспективы. Но и когда Иоанн Креститель ходил со своею проповедью покаяния, полнота времен тоже была близко. Революционные изменения уже начинались по всей Римской империи, как и в иудейской церкви. Была проведена большая подготовка. И народ уже дышал большими ожиданиями. Повсюду люди были в глубоком отчаянии от старого порядка. Но Иоанн Креститель, перенесенный в новую эпоху, провозглашает новый вариант искупления: «Вот Агнец Божий, Который берет *на Себя* грех мира». Это искупление старого порядка, и все мы желаем этого искупления, но порядок этот должен быть искуплен Кровью.

Крест Христа — единственная надежда этого падшего мира. Общая для нас опасность неизменно кроется в том, что мы привычно взываем к людям: «Вот, смотрите, какие у нас новые возможности! Вот, какие у нас новые методы! Вот,

наше всеобщее братство людей!», и забываем возвещать старую истину: «Вот, Агнец Божий!»

Существует замечательная картина распятого Христа, предстающего взору человека в качестве единственной надежды мира: на ней поразительным образом в ярких красках запечатлена идея универсальности и эффективности искупительной жертвы. Запечатлена таким образом, которого никак нельзя забыть. История создания этого полотна такова. Блэйтер Херони, который являлся председателем «смешанного суда» в Адис-Абебе в Абиссинии (Эфиопии), получил свое образование в шведской миссионерской школе. Этот человек также подготовил свою версию перевода Нового Завета на амхарский язык и выдвинулся на важные посты во время [первой мировой] войны. Херони был послан в Париж в качестве представителя Абиссинии, чтобы присутствовать при заключении Версальского договора. Размышляя о будущем мире, свободном от угрозы войны, наш абиссинец пришел к заключению, что возможность достижения такой цели предоставляется лишь посредством жертвы Христа. Придя к такому заключению, Херони решил выразить эту идею символическим образом. Он отыскал в Париже подходящего художника и поделился с ним своими задумками. В результате этого и возникло то знаменитое изображение распятия: такое причудливое по своей концепции, такое реальное по своей символической значимости, и такое необычайно привлекательное и побуждающее своим обращением к действию. Спаситель изображен распятым на кресте, который располагается между двух полушарий восточного и западного полушария под затянутым тучами мрачным небом. Ореол грядущей победы уже сияет над облаченной в терновый венец главой Спасителя, взирающего сверху на два мира, ради которых Он умер. Капли крови, сочащейся из Его пронзенных рук, окрашивают в красный цвет все континенты и все острова! Это видение всего мира, искупленного кровью Христа. И под изображением надпись, которую каждый из посетителей может прочесть на трех языках:

**«ИБО ТАК ВОЗЛЮБИЛ БОГ МИР,
ЧТО ОТДАЛ СЫНА СВОЕГО ЕДИНОРОДНОГО,
ДАБЫ ВСЯКИЙ ВЕРУЮЩИЙ В НЕГО НЕ ПОГИБ,
НО ИМЕЛ ЖИЗНЬ ВЕЧНУЮ».**

ГЛАВА VIII

«ОНИ... РАСПЯЛИ ГОСПОДА СЛАВЫ»

«Самое лучшее дело на свете — проповедовать Христа распятого. Проповедовать среди тишины, или голосов противоречия, понимая, что иначе никак не достучаться до умов. Проповедовать, исцеляя порочную совесть и очищая святых от всех оставшихся в них грехов. Успех и победа приходят к той церкви, с старом мире или новом, в домах ли вполне зрелых христиан, или в самых темных уголках полей нашего миссионерства, которая будет наиболее серьезно, непоколебимо и с наибольшей приверженностью возобновлять этот старый символ веры: “Господь возложил на Него грехи всех нас”, и которая с благоговением и наибольшей радостью обратит этот символ в песню, звучащую как на земле, так и на небесах: “...Ему, возлюбившему нас и омывшему нас от грехов наших Кровию Своею, и соделавшему нас царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во веки веков, аминь”».

Директор ДЖОН КЕЙРНС.

ПАВЕЛ прекрасно осознавал, что проповедовать Христа распятого означает для тех, кто идет в погибель, не более чем глупость (1 Коринфянам i. 18); что Христос является камнем преткновения для иудеев и безумием, глупостью для язычников (1 Коринфянам i. 23); и, однако же, он решает не говорить ни о чем другом. Пускай такая позиция и вынуждает его обнажать перед людьми свое сердце, раскрывать свои слабости и представлять перед ними «в немощи и в страхе и в великом трепете» (1 Коринфянам ii. 3), он все равно выбирает проповедовать лишь Христа, и притом Христа распятого. Эта мысль Павла о кресте, о распятии, является настолько сокровенной тайною, хотя в ней и раскрывается мудрость и сила Божия, что донести ее до людских сердец возможно только Духом [Божиим]. Ведь Дух преодолевает любую преграду, Он исследует все вещи: «Дух все проникает, и глубины Божии» (1 Коринфянам ii. 10). В этом смысле, говоря о своей идее, Павел использует поразительное выражение в отношении «властей века сего», не сумевших постичь Божию мудрость, поскольку они: «...если бы познали, то не распяли бы Господа славы» (1 Коринфянам ii. 8).

В своем обращении к старейшинам церкви в Эфесе Павел использует слова, которые следует считать еще смелее, они еще больше приковывают к себе внимание: «Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь [Господа и] Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деяния xx. 28). Столь смелое и ошеломляющее заявление заставляет мурашки бежать у нас по коже — Сам Господь Славы на кресте, кровь Божия! — но когда мы пытаемся как-то смягчить эту фразу, мы видим, что греческий оригинал не оставляет места альтернативному толкованию.

Да, действительно, в издании Библии ARV (American Revised Version) в двадцать восьмом стихе двадцатой главы Деяний Апостолов стоит слово «Господа»

вместо «Бога», но эта замена ничем не оправдана. Стоукс в своей «Библии истолкователя» поясняет: «Некоторые читают “Господа” вместо “Бога”, прочие заменяют слово “Бога” на “Христа”, но в [варианте Библии] Revised Version, следуя тексту Весткотта и Хорта (вполне можем добавить, и Нестле), была принята наиболее сильная версия этого стиха, несмотря на целый ряд критических замечаний».

Святой Игнатий писал Ефесянам, спустя пятьдесят лет после обращения к ним Павла, что верующие «разжигаются, превращаясь в живой огонь посредством крови Божией». И Тертуллиан, сто лет после Павла, пользуется тем же самым выражением: «кровь Божия». А еще в одном новозаветном отрывке, где греческий текст не оставляет сомнений в своей подлинности, Павел спустя двадцать семь лет после распятия Христа — когда еще не был составлен канон Нового Завета — замечает: «[...Премудрость Божию,] ...которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы».

«Кто сей Царь славы? — Господь сил, Он — царь славы» (Псалом ххiii. 10). Понятие «Господь славы» или «Царь славы» всегда указывает на Того, для Кого слава является неотъемлемым атрибутом — как в Ветхом, так и в Новом Завете (Псалом ххviii. 1; Деяния vii. 2; Ефесянам i. 17, и Иакова. ii. 1). Оно указывает на Господа, Кому слава принадлежит по Его естественному праву. Это выражение очень важно в богословском отношении, поскольку оно подразумевает наличие божественности в личности нашего Господа. В отрывках подобно 1 Коринфянам xi. 26, «смерть Господню [возвещаете]», и 1 Коринфянам xi. 27, «[виновен будет против] Тела и Крови Господней», смысл схожий, но выражения использованы менее сильные. Даже еще в те дни, когда Иисус находился во плоти, Спаситель уже являлся для Павла Господом, Которому принадлежала вся слава по Его природному праву. Для Павла, в не меньшей степени, чем для Иоанна, Слово, Которое стало плотью, «...было в начале у Бога... и Слово было Бог».

Нет нигде ни на небесах, ни на земле, тайны, большей, чем эта — переносящее мучения Божество, Всемогущий Спаситель, прибитый гвоздями ко кресту. Но это было именно так: именно это подразумевают приведенные нами слова. Именно на кресте мы видим во Христе всю полноту Божией любви и милости во плоти, телесно. И именно в этой точке, в этом последнем Его прибежище, мы наконец-то убеждаемся — подобно римскому центуриону — в Божественности Иисуса. Потому что то, что свершает на кресте Христос, под силу Одному только Богу: «и душа, что оказывается обретенна для Иисуса, оказывается обретенною в Нем для Бога».

Согласно Апостолу Павлу, Христос, посредством Своей смерти и воскресения, оказывается провозглашенным в качестве настоящего центра для всей вселенной. Он являлся изначальным источником для сотворения всего сущего, и Он же служит принципом единения для нашего мира, его целью, и объяснением всех его тайн и загадок (Колоссянам i. 13-18). Никто из тех, кто обратит внимание на этот отрывок из Библии, не сможет отрицать, что в нем говорится о равенстве Христа в славе с Самим Богом.

Говоря об этом самом отрывке, который призван свидетельствовать о безусловной божественности «Сына любви Божией, в котором мы имеем наше искупление», один из мистиков Римско-католической Церкви, Джон Корделье, говорит: «Если Кресту и предназначено что-то значить, то ему предназначено быть основанием всей вселенной. Он простирается от одной космической туманности, до другой, связывая между собой самые удаленные края миров, донося до них израненные руки Любви. И весь прогрессивное на свете зарождается благодаря этому столкновению любви и страдания, которое является тайною Его сердца. Тайнство Его страдания служит корнями всей нашей нынешней радости. И странно, разумеется, предполагать, что современный биолог может быть кем-то иным, нежели христианином! Ведь для биолога должно быть совершенно очевидно: на каждой человеческой руке ему отчетливо видны отпечатавшиеся стигматы христианства. Те же самые стигматы видны на самом фундаменте Храма Жизни. Биологи открывают, что боль, страдание и жертва для любого из существ, являются обязательными в совершающемся день за днем процессе воспроизводства жизни, точно так же, как и медленное, шаг за шагом, совершенствование вида. Обратишься ли к высоте, будешь ли исследовать глубины, заглянешь ли внутрь организмов, изучаешь ли жизнь снаружи — везде ты неизбежно наткнешься на Крест».

Мы видим, что та же самая мысль звучит в поэме Стадтерта Кеннеди «Страдающий Бог»:

«Коль скоро, Отче, Он — Христос, Тебя явивший,
Единорожденный во славу от Отца,
Тогда Ты — нас, Страдалец, исцеливший —
Пронзен Сам в сердце горестью меча!

Тогда, насколько понимаю, Твое горе, Боже —
Не только на кресте главу склонить,
Но и сегодня, да и завтра тоже,
Тебе, Господь Прекрасный, слезы лить.

* * * * *

Так дай же мне во свет — той горести сиянье!
Убежищем мне сотвори креста сень Твоего,
Дай людям донести весть о Твоем страданье,
Изгнав утраты желчь из сердца моего».

В картине смерти Христа пред нашими взорами раскрывается не только высшее проявление Божией любви, но также и Его безграничное горе, и Его же глубочайшее сострадание. Слова «...как Отец горюет о Своих детях...» находятся в том же самом Псалме, что и «...как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши». «Горесть и любовь стекают к нам, смешиваясь в один поток» — стекают с креста — это горе Божие, и любовь тоже Божия.

Вообще, христианская доктрина об искуплении вся целиком построена на

другой доктрине: о божественности Христа. Именно наша вера в последнее утверждение определяет и нашу веру в утверждение предыдущее. Простой человек никоим образом не может искупить вину и понести наказание за грехи другого человека. Все возражения относительно заместительной жертвы Христа тают перед головокружительным фактом величия Личности Иисуса. «Для нас абсолютно очевидно, — пишет д-р Грешэм Махен, — что Христос в Его современной натуралистической интерпретации никогда бы не решился нести страдания за грехи других; но в случае с Господом славы дело обстоит совершенно по-другому. И если представление о заместительной жертве искупления настолько абсурдно, как пытается заставить нас поверить современная оппозиция, что же тогда и говорить обо всем том христианском опыте, что основывается как раз на этом представлении? Современная либеральная Церковь обожает взывать к опыту. Но на чем же подлинно христианский опыт может быть основан, как не на том благословенном покое, что снисходит к нам с Голгофы? Покой такого рода приходит лишь тогда, когда человек начинает осознавать, что все его попытки оказаться праведным пред Богом, все его страстное желание исполнить закон прежде, чем ему будет даровано спасение, оказываются совершенно ненужными, и что Господь Иисус собственноручно уничтожил то писание закона, что было против этого человека, и умер вместо этого человека на кресте. Кто в состоянии измерить все глубины того покоя и радости, что приносит это благословенное познание истины? Скажите, разве это всего лишь “теория” искупления, заблуждение человеческой фантазии? Разве это не подлинная истина от Бога?»

Когда Апостол Павел описывает страдающего на кресте Христа в таких терминах, о которых мы только что говорили, он доходит до столь возвышенных материй, что употребляет понятие «глубины Божии» (1 Коринфянам ii. 10). Он затрагивает вопросы настолько глубокие, что они находятся за пределами понимания человеческой философии. И материи эти настолько высоки, что ускользают в своей вышине от наиболее пронизательного взгляда человеческого интеллекта. В некоторых частях Тихого океана корабельный звуковой прибор — сонар — не в силах достичь дна. Подобным образом, существуют такие созвездия и звездные туманности, что их не обнаружить даже самым мощным из наших телескопов. «[Но, как написано:] не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, [что приготовил Бог любящим Его]». Однако, Бог открыл эти вещи даже малым детям посредством Своего Святого Духа, и, хотя мы и не в состоянии постигнуть их значения, но можем пасть ниц в благодарении и смирении.

«Когда на чудный крест взираю,
Царь славы где был умерщвлен,
Богатства тщету понимаю,
Презреньем гордость угашаю».

На кресте не было никакого разделения между двумя природами нашего Господа. Его подлинно человеческая природа не перемешалась, не перепуталась с Его подлинной божественностью, обе эти Его части продолжали в Нем присутствовать, будучи отчетливо различимы. «Бог во Христе примирил с Собою

мир, [не вменяя *людям* преступлений их, и дал нам слово примирения]». В жертву, способную умиловить Бога, был принесен не человек-Христос: но то был Бог во Христе, примиривший человека, и, в обратном смысле, примиривший Себя. То не была смерть героя-человека, оказавшегося покорным воле Божией; но смерть Сына Божия за грехи этого мира. Здесь, как нигде более в евангельском повествовании, Христос явил нам Свою славу: славу, как Единородного от Отца, в полноте благодати и истины. Искупление явилось деянием абсолютного божества. Ибо Бог, Бог-Отец, столь возлюбил мир, что отдал; Бог-Сын положил Свою жизнь за других; Бог-Дух Святой наполнил Иисуса Своим присутствием и силою, чтобы Тот смог перенести столь ужасную смерть и преодолел ее посредством Своего славного воскресения (Римлянам i. 4).

Не только в Вифлееме, но и на Голгофе мы можем присоединиться к хору ангелов, воспевая: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!»

«Таким образом, — говорит Форсайт, — мы настаиваем на всей полноте смысла этих слов: Бог был во Христе примиряем, не примирялся через Христа, но в реальности присутствовал во Христе, совершая примирение («примиряясь»), совершая во Христе Свою собственную работу примирения. Это деяние было произведено Самим Божеством; а не Одним только Сыном. Теологи давно ушедших времен были правы, когда настаивали на том, что работа по искуплению была работою всей Троицы: Отца, Сына и Святаго Духа; и мы подтверждаем это, когда совершаем обряд крещения в новую жизнь примирения, произнося слова о крещении в это триединое имя».

Как бы то ни было, нам надлежит погрузиться еще дальше в глубины познания, если мы хотим постичь эту тайну. Она не должна оставаться простою доктриною, но ей надлежит стать нашей повседневной практикой. Это **мы** распяли Господа славы. Это **мы** были куплены Его кровью.

Вот как Святой Ансельм медитировал в ночные часы перед распятием: «Что ж натворил Ты, о, наисладчайший мой Иисусе, о, друг Ты мой дражайший, чтобы с Тобою так обращались?.. Это я наносил те удары, что причиняли боль Тебе; я — причина Твоей смерти, я произвел ее; я — тот, кто подвергал Тебя мучениям». После этого он обращается к нам, со словами, что до сих пор отдаются в наших сердцах колокольным звоном: «Утвердите всю свою веру в Его смерти, раз и навсегда; не имейте уверенности ни в чем ином; полностью полагайтесь лишь на Его смерть; покройте себя полностью лишь ею; заверните себя полностью в одну лишь эту смерть!» А вот, послушайте, что говорил ученый и богослов Святой Бернад: «Моею высочайшей философией является познание Иисуса, и притом Иисуса распятого». Ибо «Голгофа является местом встречи любовников». Послушайте следующую молитву, которая приписывается Святому Франциску [Ассизскому]: «О, Господи мой, Иисусе Христе, двух милостей прошу я у Тебя, даруй их мне, прежде нежели я умру! Первая, чтобы в течение моей жизни я мог бы ощущать и в душе и в теле моем, так сильно, насколько это возможно, ту боль, которую Ты, сладкий мой Господь, переносил в час Твоих наиболее горестных

страданий! Вторая же, даруй мне чувствовать в моем сердце, так сильно, насколько это возможно, ту все превосходящую любовь, которую Ты, Сыне Божий, был воспламенен, дабы по воле Своей собственной сносить подобные страдания из-за нас, грешных!»

Смерть Христа, как мы все знаем, во многих отношениях отличается от смерти пророков, патриотов и мучеников. Она была предсказана в пророчествах, она явилась искупительной жертвою за грех, она сопровождалась многими знаменами, и за нею последовали сверхъестественная победа над смертью и воскресение. Но настоящий смысл в ее отличии заключается не в этом, а в личности Того, Кто умер. «Не было никого другого, подобного Сыну Божию». В Нем обитала вся полнота божества телесно. Слово стало плотью, и было распято за нас.

«Кровь Божия на дерево пролилась! —
Гласит Писание. О, как мне смысл понять!
Нет, тщетно разум мой над тайной сею бился,
Увы, в мозгу нет места мысль сию приять.

О, глупый разум мой! О, глупые невежды!
Не в силах разум эту тайну превозмочь,
Ужели нету в вас достаточно надежды,
Смиренно видеть все, что сотворил Господь?

Приди же, разум мой, и покажу тебе я,
Что надлежит тебе дрожать, от страха коченея!
В неверии своем — нет, в изумленьи,
Тебе придется все ж Ему хвалу вносить,
Коль скоро припадешь ты в онеменьи
К Его ногам, чтоб сладость Слова пить:
Твой Бог, о, разум, кровь за тебя пролил!»

На кресте Голгофы всему миру была явлена самая важная вещь на свете: ЛЮБОВЬ. Помимо того, была раскрыта самая темная из тайн на свете: ГРЕХ; и показано высшее проявление характера Божия: СВЯТОСТЬ. «Ибо не знавшего греха Он сделал для нас *жертвою за грех*, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом». Это провозглашение, проявление, и есть искупление.

В опубликованной недавно книге о жизни д-ра Кали Чарма Чаттерджи, который в течение сорока лет являлся одним из ведущих проповедников в [индийском штате] Пенджабе, будучи одним из «князей Церкви» Индии, мы читаем следующее свидетельство:

«Меня часто спрашивали, почему я отверг индуизм и решил стать учеником Христовым. Я всегда отвечал, что я практически бессознательно притягивался ко Христу Его святою и непорочною жизнью, Его приверженностью творить волю Божию, и Его милостью и благодеяниями по отношению к страдающему

человечеству. Полнота совершенства Его наставлений, пример которых дан нам в Нагорной проповеди, равно как и Его любовь к грешникам покорили меня и завоевали мое сердце. Я проникся к Нему уважением и полюбил Его. Те воплощения, которым меня учили поклоняться — Рама, Кришна, божество Маха[тма], Кали — все это были воплощения силы. Это были герои, грешные люди, подверженные своим собственным страстям. И лишь Христос представал для меня таким же святым и достойным обожания, как и Сам Бог. Но тем учением, что оказалось для меня решающим в вопросе принятия христианской религии, и вынудило меня выступить с публичным признанием моей веры, стала доктрина об искупительной смерти и страданиях Христа. Я почувствовал себя грешником и обнаружил во Христе Того, Кто умер за мои грехи — заплатил за мои грехи, понес за них наказание. «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился». Это было поистине ношею для мыслей сердца моего: Христос умер, и, сделав это, уплатил тот долг, который простой человек уплатить никак не в состоянии. Это убеждение, которое потом становилось все сильнее и сильнее, по мере моего [духовного] роста в христианской жизни и по мере новых переживаний, к настоящему времени превратилось уже в часть моей жизни. Оно является главной отличительной чертою между христианством и всеми остальными религиями. Я чувствовал это и тогда, когда я только стал христианином, ну а теперь я ощущаю это с особой силою».

Но не только искупительная смерть Спасителя за грех является отличительным признаком христианства, выделяющим его среди прочих религий: но еще и смерть **такого особенного** Спасителя. Ведь все зависит от природы и характера Существа, которое предлагает Себя в заместительную жертву. Св. Ансельм в его «наиболее глубоком, ясном и логическом трактате одиннадцатого столетия», «О Богочеловеке», отмечал, что «жизнь Богочеловека была настолько возвышенною и настолько прекрасною, что она оказалась в высшей степени несовместимой со всеми все этими грехами, которые превысили любую допустимую меру по причине Его смерти... Я бы скорее согласился взять на себя всю совокупность вины и мерзости всех грехов, совершенных в этом мире в прошлом и будущем, а в добавление к ним еще и те грехи, что лишь могли бы быть совершены по допущению, чем понес бы вину в одном единственном грехе убийства Господа славы». Лишь Одному Божеству, как учит Св. Ансельм, было под силу удовлетворить требованиям, предъявляемым Божеством. Однако грехопадение совершил человек, и потому удовлетворение за грехи человека должен был дать тоже человек; таким образом, требуемое и адекватное удовлетворение должно было быть возложено на Богочеловека. Эти слова могут звучать подобно средневековому схоластическому философствованию, но те же глубокие истины мы находим в священных символах веры, которые используются во время церковных богослужений, равно как и в гимнах, распеваемых в христианских церквях.

«Не найти другого, не вообразить,
Кто так праведен, чтоб грех наш оплатить!
Только Он сумел дорогу нам открыть,

И на небесах врата нам растворить».

Большинство людей обычно возмущается при обсуждении каких-то доктринальных заявлений, но ничто так не способствует развитию внутри нас духа смирения, и ничто так не спасает нас от поверхностности в молитве, как медитация над этими глубокими истинами. Теология символов веры и катехизисов, будучи правильно понимаемой, несет в себе обращение к сердцу человека в равной степени, как и к его разуму, она так же обращается к воображению, как и к пониманию. Углубленная медитация над «глубинами Божиими», упоминаемыми в Писании, оказывается неизбежно трудным делом, и вначале может показаться занятием сухим и неинтересным. Но ее можно уподобить разучиванию гамм в музыке: рано или поздно «нотная грамота» превратится в духовную гармонию, и тот, кто окажется достаточно упорным, неминуемо познает нечто большее, «что широта и долгота, и глубина, и высота мудрости и познания Божия».

Итак, мы возвращаемся к словам Павла (да нет же — к вдохновенным словам Божиим!): «Они распяли Господа славы» и «Церковь [*Господа и*] Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею».

В личности Иисуса Христа существует две природы. Подлинно Божеское и подлинно человеческое начала соединились, но смешения этих начал не произошло. Бог переносил страдания на кресте — не в природе Божией, но в природе человеческой. «Когда апостол [Павел], — отмечает Хукер, — говорит об иудеях, что они распяли Господа славы, (1 Коринфянам ii. 8), нам необходимо понимать всю личность Христа целиком, Который, будучи этим Господом славы, был, разумеется, распят, но вовсе не в том естестве, благодаря которому Его называют “Господом славы”. Подобным же образом, когда Сын Человеческий, будучи на земле, признает, что в то же самое время Сын Человеческий находится на небесах (от Иоанна iii. 13), под “Сыном Человеческим” обязательно следует понимать всю личность Христа целиком, Который, будучи человеком на земле, наполнял небеса Своим присутствием славы, но не в соответствии с тем естеством, благодаря которому Ему было присвоено имя Человека».

Незадолго перед тем, как Он был осужден на смерть, Иисус Христос Сам, находясь перед первосвященником, совершает наиболее сильное, насколько это возможно, признание Своей полной человечности и божественности. Упоминание об этом делается в каждом из синоптических евангелий (от Матфея xxvi. 64; от Марка xiv. 62; от Луки xxii. 70). «...Иисус молчал. И первосвященник сказал Ему: заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий? Иисус говорит ему: ты сказал (у Марка: «Я»); даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! как вам кажется? Они же сказали в ответ: повинен смерти. Тогда плевали Ему в лице и заушали Его...» «Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его».

Никто из этих людей, как пишет Апостол Павел, Его не понял, «ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы». «Две природы встретились друг с другом в нашем Искупителе, — утверждает замечательный теолог Лев Великий, — и хотя владения каждой из них оставались незатронутыми другою, каждая из субстанций заключила с другой столь прочный союз, что с того времени, как Слово обрело плоть в утробе Девственницы, мы и подумать о Нем не можем, как о Боге, без того, чтобы не вспомнить Его, как человека, ни как о человеке, без того, чтобы не вспомнить о Нем, как о Боге. Каждая из этих отдельных ипостасей проявляет свою сущность во вполне определенных действиях по отдельности, но ни одна из них не разрывает своей связи с другою. И ни одна из них не испытывает ни в чем недостатка по отношению к противоположной ипостаси: в величии присутствует вся полнота уничижения, как и полнота величия — в уничижении. Союз двух ипостасей вовсе не означает их смешения, а особенные черты разных ипостасей никак не разъединяют общего единства. Что-то одно может быть преходящим, в то время, как что-то другое — непреходящим, однако же бесчестье неотъемлемо принадлежит Тому же, Чья вся и слава. И немощь неотъемлема от Того, Кому принадлежит вся сила и власть. Одна и Та же Личность равным образом оказывается подвержена смерти и эту смерть преодолевает. Бог не стал забирать Себе целого человека, но вывязал Себя в человеческое естество, а человека вывязал в Себя, и в жалости, и в силе, так, чтобы каждая из двух природ находилась в другой, но, равным образом, и так, чтобы ни одна из них не утратила в другой своей собственности».

Таким образом, в смерти Иисуса Христа на кресте человеческая агония и бесчестье преобразовались в подлинно божественное страдание, по той причине, что божественное соединилось с душою и телом человека в единстве одного сознания. Страдания эти являются безграничными, поскольку и Сама Личность безгранична. Сын Божий возлюбил меня и отдал Себя за меня. Бог выкупил Церковь ценою Своей собственной крови.

ГЛАВА IX

«ОН ПОКАЗАЛ ИМ РУКИ СВОИ»

(Евангелие от Иоанна хх. 19-29)

*«Господь, когда трудами я томим,
И заповедь Твоя мне в тягость день за днями,
Ладони лишь Свои мне протяни —
И руки покажи, что пронзены гвоздями.
О руки, о руки, о руки Христа,
Гвоздями пронзенные руки Христа!
Поддай мне, Спаситель, Ты руку с креста!»*

*Христос, если я на ногах не стою,
И вновь отступаю, о смерти молю,
Подожвы исколоты, слезы горя я лью, —
О, дай мне узреть лишь ногу Твою!
О ноги, о ноги, о ноги Христа,
О, кровью залитые ноги Христа!
Протяни мне, Иисусе, ты ногу с креста!»*

*Но, Боже, осмелюсь ли когда,
СВОИ Тебе я руки показать —
СВОИ Тебе я ноги показать...»*

БРЕНТОН ТОБЕРН БЭДЛИ.

В СВОЕМ «Послании Филиппийцам» Павел описывает три стадии развития его отношений с Иисусом. Сначала появилось знание о Христе, которое он получал из самых разнообразных источников, как от друзей, так и от противников Мессии. до врага. Затем Сам Христос явился ему на дороге в Дамаск, и Павел испытал «силу воскресения Его». «Ибо для меня жизнь — Христос, — заявляет Апостол, — [и смерть — приобретение]». И, наконец, Павел упоминает об участии «в страданиях Его», как окончательной цели своей с Ним связи — стать подобным Ему в жизни жертвенной и испить чашу Его страданий и смерти за других.

Вот так, любящий Христа находит тень от Его креста длиннее самой длинной из теней мира сего. Она простирается через все века и через все земли, и ее конец падает даже на утро Воскресения.

«[Пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им]: мир вам! Сказав это, Он показал им руки *и ноги* и ребра Свои». Иисус Христос никогда не скрывал Своих ран, убедительным образом воздействуя на Своих учеников. На Своем прославленном теле Он до сих пор носит следы Своих страданий. Эти стигматы подтверждают, что это именно Он, они провозглашают Его победу и являются

символом Его власти, как Спасителя и Царя. «Ученики обрадовались, увидев Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, *так* и Я посылаю вас».

Торвальдсен, знаменитый датский скульптор, запечатлел эту сцену в мраморе. В копенгагенской церкви «Vor Fruhe-Kirke» установлена созданная этим скульптором статуя воскресшего Христа, с распростертыми руками, на которых видны следы от гвоздей. Христос изображен посылающим Своих учеников с «поручением мира». С каждой стороны в этой церкви расположены по шесть фигур, представляющих двенадцать апостолов, причем, в одной из групп Св. Павел занимает место Иуды. Эта искусно высеченная скульптором композиция производит неизгладимое впечатление на разум и сердце. Это — протестантский Христос, уже не распятый на кресте, но вполне готовый взойти на престол. И все же, Его шрамы еще вполне различимы. Резец мастера уловил двойное послание, которое, согласно Евангелию от Иоанна, слетело с губ Спасителя: «Мир вам!» и «Как послал Меня Отец, *так* и Я посылаю вас». Крест распятия несет для нас не только искупление, он имеет еще и смысл поучения. Его послание навевает нам душевный покой, и в то же самое время призывает продолжать внешнюю борьбу. У него есть мотив, так же как и послание для грешника. Те, кто хоть раз представил себе крест и израненного Иисуса на нем, уже никогда не смогут оставаться такими же, как прежде. «Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего». Мы обрели мир посредством Его крови, а апостольство — благодаря Его примеру.

Как примечательно, что именно Его раны оказались единственной вещью, которую Иисус показывает Своим ученикам после Своего воскресения. Это по Его ранам они узнают Христа во время преломления хлеба близ Эммауса, несмотря на то, что они не смогли узнать ни Его фигуры, ни лица, ни голоса. Своими ранами Он заставил десять учеников удостовериться в Своей личности и в Своем воскресении. Его ранами Фома оказался обличен в своем неверии неделю спустя и воскликнул: «Господь мой и Бог мой!» Израненные руки и ребра Христа — знак и печать нашего мира с Богом, а также призыв к служению и жертвенности, которому невозможно противиться.

Немецкий поэт Гейне описывает богов древнего мира, восседающих на тронах в их пиршественном зале, справляющих триумфальное торжество над подвластным им миром. К ним в зал входит некий бедняк-крестьянин, шатающийся под тяжестью креста. И когда он с резким шумом швыряет свою тяжкую ношу на пиршественный стол, все божества вожделения и разнообразных пороков впадают в отчаяние и умирают. Боги древнего мира — это ложные ценности мира нового. И когда Христос бросает Свой крест в жизнь человека, все прежние ложные ценности умирают, и удивительная новая жизнь, основанная на ценностях вечных, начинает свое течение.

В евангельских свидетельствах мы находим четырежды повторенное всемирное поручение, излившееся из уст Самого Иисуса Христа. Святой Матфей рассказывает о причине, **почему** нам надлежит учить все народы. «Дана Мне

всякая власть на небе и на земле. Итак, идите...» Святой Марк говорит о том, где: «[Идите по всему миру и] проповедуйте Евангелие всей твари». Святой Лука заостряет наше внимание на **порядке** исполнения [Великого поручения], повествуя о том, что надлежит «...проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима». Но Святой Иоанн касается более глубокой материи, и открывает **дух**, что господствует над нами и контролирует нас: «Как послал Меня Отец, *так* и Я посылаю вас». Раб не больше своего Господина. Мы призваны разделить с Ним ту же самую задачу, под тою же самой властью, с тем же самым посланием, и претерпевая те же самые страдания. «[Любовь познали мы в том, что] Он положил за нас душу Свою, — говорит Иоанн такие простые и такие удивительные слова, — и мы должны полагать души свои за братьев».

Крест является высшим побуждением для посвящения на служение. Иисусу достаточно было лишь одного: показать Свои шрамы, чтобы немедленно приобрести Себе мучеников, готовых сражаться за Его дело. Бог щедро изливает на всех дух жертвенности, «дух благодати и умиления, и они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нем, как рыдают об единородном сыне, и скорбеть, как скорбят о первенце». «Ему скажут: отчего же на руках у тебя рубцы? И он ответит: от того, что меня били в доме любящих меня». (Захария xii. 10; xiii. 6).

Когда Иисус Христос явился на дороге в Дамаск Павлу, тот тоже, должно быть, увидел следы от гвоздей и шрам от копья на теле Христа, под божественным светом, струящимся с небес. «[Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл!] Что ты гонишь Меня? [Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне]: Я Иисус [Назорей], Которого ты гонишь». «...Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое».

Не удивляйтесь, что Павел использует странное слово, когда он говорит о своем апостольском служении и о страданиях Христа. Помимо этого случая, это слово встречается во всем Новом Завете еще лишь раз. В Евангелии от Луки рассказывается о вдове, которая в храмовую сокровищницу, куда собирались пожертвования, «от **скудости** своей положила все пропитание свое, какое имела». И Павел использует то же самое греческое слово: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю **недостаток** в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь». Недостаток Голгофы!

Для иудея понятие «страдания» означали проблему, которую надо было решить. Для христианина страдания стали почетной привилегией, которую нужно стремиться разделить. Савл, будучи прежде иудеем, столкнулся с проблемой страдания на примере Иова и его трех друзей, и эта проблема виделась неразрешимой. Павел, христианин, увидевший раны Христовы, понял, что «Раб Иеговы» «изъявлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши». Поэтому он пишет: «Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен».

Слава воскресшего Христа заключается для нас в признании Его шрамов от ран; в том, чтобы вместе с Фомой вложить свои персты в раны от гвоздей и сказать: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое» — «Господь мой и Бог мой!» Разве не в том высшее наслаждение и глубочайшее переживание всех стяжавших себе славу святых, чтобы преклонить колени и увидеть раны Христовы? Даже Марии, во время миропомазания Его ног, не дано было ощутить на них шрамы от будущих ран, чтобы поцеловать их. Эти раны желали бы видеть даже ангелы, но они прикрывали свои лица, взирая на это таинство искупительной любви.

Корону Господу Любви!
На руки и на бок гляди:
Глубоки раны, но видны,
Омыты славою они.

И даже ангелу с небес
Не вынести таких чудес!
Ожегши тайны светом взор,
Глаза отводит, словно вор.

«Он показал им руки Свои. [...Ученики обрадовались, увидев Господа.]». Показывал ли Он когда-нибудь их вам? Святой Франциск Ассизский провел так много долгих часов, размышляя о шрамах Иисуса, что, в конце концов, на его собственном теле проступили следы от ран Спасителя. Но гораздо более значительным, чем стигматы на его руках, являются свидетельства «несения креста Христова» в его ежедневной жизни.

Когда Бернард Ассизский пожелал следовать за Святым Франциском, было решено, что они отправятся в дом местного епископа и примут там участие в мессе. «После этого, — сказал Франциск, — мы должны трижды вознести наши молитвы Господу, умоляя Его, чтобы в эти три раза, когда мы будем открывать молитвенник, Он открыл нам путь, который, согласно Его воле, нам надлежит избрать».

При первом открытии молитвенника, Франциск и Бернард натолкнулись на слова, которыми наш Господь ответил молодому человеку, спрашивающему о пути к совершенству: «...Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (от Матфея хіх. 21). Во второй раз им открылись слова, с которыми Христос обратился к апостолам, отправляя их проповедовать: «...Ничего не берите на дорогу: ни посоха, ни сумы, ни хлеба, ни серебра, и не имейте по две одежды» (от Луки іх. 3). В третий раз их взору предстали слова из Евангелия от Марка viii. 34: «...Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». Тогда Святой Франциск сказал Бернарду: «Вот каков совет, который дает тебе Христос: иди и сделай все то, о чем ты прочитал; и да будет благословен Господь наш Иисус Христос, Который соблаговолил показать нам путь жизни, в соответствии с Его Святым Евангелием».

Франциск со своей нищенствующей братией посвятил себя строгому аскетизму, живя в заброшенном доме, где прежде обитали прокаженные, посещая жилища нищих и больных, проповедуя Евангелие для очень большого круга людей, который, в конце концов, расширился настолько, что стал включать еретиков и магометан. В Египте перед султаном Камилем он с бесстрашием заявил о полной готовности принять страдания за свою веру. Его свобода от мирских забот, его радость служения, его смирение и непосредственная вера, его любовь к природе и сильная приверженность к человечеству — все это тоже были «стигматы», подобные отметинам Иисуса Христа.

«О, мой Господь, Своей рукой пронзенной
Коснись меня, и этой жизни брэнной!
Наполни милостью благословенной
Мой каждый день, доколе же домой
Не возвращусь в небесный Твой покой.
О, мой Господь, коснись меня рукой!»

Однажды я встретил человека, которого можно было бы назвать «мусульманским Святым Франциском». Он принадлежал к одному из монашеских орденов мистиков-суфитов, живущих в крайней бедности. Входя в его жилище, я увидел, что он с ревностным упоением перебирает свои девяносто девять четок, каждая из которых была призвана символизировать одно из девяноста девяти прекраснейших имен Аллаха. Когда мы разговорились об этих атрибутах и их смысле для тех, кто находится в поисках Бога, об учении Аль Газали и других мистиков, подчеркивавших необходимость размышлений о Божьем характере, дабы люди могли подражать Его милости, состраданию и доброте, он повернулся ко мне и сказал: «В конце концов, мы вполне можем обойтись и безо всех этих четок, чтобы перечислить девяносто девять имен Бога; поскольку все они запечатлены у нас на руках». После чего монах развернул свои ладони и показал мне глубокие татуировки на правой и левой руках. Это оказались арабские числа «^{١٨}» (восемьдесят один) и «**18**» (восемнадцать), сумма которых равнялась девяноста девяти. Отшельник пояснил: «Вот почему мы держим свои ладони раскрытыми во время наших молитв, напоминая Аллаху о Его милостивых атрибутах, взывая к Его милости».

В свою очередь, я поведал собеседнику о ранах Христа, и о том, как Он вознес на Себе наши грехи на древо. «Я не забуду тебя. ...Смотри, я записал твое имя на ладонях рук Моих».

Они пронзили Ему руки и ноги. И шрамы от этих ран остались в Его теле — теле, которому была уготована слава от Бога. Эти шрамы вызывают к ученичеству и подвергают испытанию на апостольство каждого, называющего себя христианином. Не так-то просто быть последователем Христа. Его требования неумолимы. Если человек не оставит всего, что у него есть, он не может стать учеником Иисуса. Коль нет креста — нет и короны.

Иисус не называл Себя «истинным дубом» или оливою, или кедром, но

говорил: «Я есмь истинная **виноградная лоза**». Это — единственное дерево, которое необходимо привязывать к подпорке, и которое «истекает кровью», благословляя. Каждая виноградная ветвь нуждается в прививочном ноже, и только в месте глубокой обрезки лоза обещает разветвиться гроздьями.

Мы призваны в Христово сообщество, но это сообщество страдания. Земля — это избранное поле брани, предназначенное во всей вечности для последнего решающего сражения между силами света и силами тьмы.

«Когда Господь создал из пустоты
Своей рукой вот этот шар земли,
Его в небесном своде поместил
Среди больших и маленьких светил.
Планеты все потом по имени назвал,
Земле «Звезды Страданья» имя дал.

Участие в Его страданиях является реальной частью в апостольской преемственности. Кровь мучеников являлась семенем Церкви во всех землях, и во времена. «Впрочем, — говорил Павел, — никто не отягощай меня, ибо я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем».

«Пронзенною рукою
Благословенье дай!
Пошли меня, Спаситель,
В земли полночный край».

Знакомясь с жизнеописаниями Давида Ливингсона, Генри Мартина, Мэри Слессор, Джеймса Гилмора и Кита Фальконе, мы видим, что все эти люди буквально носили в своей жизни «следы от гвоздей». Когда наши планы разбиваются, наши надежды рушатся, наши мечты испаряются, принятие решений обходится нам кровью, наши удовольствия превращаются в страдание, когда мы заново переживаем агонию Гефсиманского сада или Голгофы — что это, как не несение нами креста вслед за Иисусом? Испытание терпением в случае остающейся без ответа молитвы, самопожертвование, совершенное в тайне от всех, одиночество человека, несущего на себе бремя лидерства — все это является частью «наказания» тех, кто предпочел считаться «сынами», а не незаконнорожденными детьми. «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса. [...] Во всем являем себя, как служители Божии [...] под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах».

«Кто никогда свой хлеб не преломлял,
Горючими слезами орошая,
В душевной схватке кто в ночи не мял
Свою подушку, горестно стеная,
Тот истинной и радости не знает,
Что изгоняет страх и побеждает».

Двенадцать ворот в стене Святого небесного града, и стена эта «имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати Апостолов Агнца», каждый из которых носит шрамы своего Господа. «А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины» — жертвенной жемчужины.

Нижеприведенную краткую молитву о человеческом теле, целиком подчиненном Христу, написал один миссионер из Кашмира. Можем ли мы сделать эту молитву приемлемой в своей жизни?

«О, Господи, ради служения на земле от Твоего имени мы отдаем Тебе всего себя: свою плоть, свои кости, мышцы и скелет, то физическое обрамление, что дано нам Тобою. Научи нас, Господи, разумно использовать свое тело ради Твоей славы; научи нас использовать его для Тебя, подобно хорошему механизму, который препоручен нам для заботы о нем и хранения для исполнения Твоих целей. Научи нас пользоваться этим механизмом без жалости, управляя им твердою рукою, но никогда не злоупотреблять им, и, по мере постепенного или стремительного угасания, наполни нас радостью знания, что оно угасает ради Тебя. Аминь».

ГЛАВА X

«СИЛА ЕГО ВОСКРЕСЕНИЯ»

«Христос, наш Предтеча, побеждает Смерть, открывает двойные врата, преграждающие нам путь в вечность, чтобы позволить нашим душам пройти внутрь. Вечная Мудрость, проникающая посредством Креста через могилу в атмосферу Реальности, указывает нам этот путь, эту тайну: она открывает нам Космическое Слово Власти, магическое «Сезам, откройся», в духовный мир.

Этот Свет Мира не многое сделал бы для нас, если бы он оказался не в состоянии представить нашему взору могильный мрак, освятить весь ужас соприкосновения между божественным чудом плоти и неизбежностью могилы. “Venite [et] videte locum”: “придите, взгляните на место”, где лежит Совершенная Любовь».

ДЖОН КОРДЕЛЬЕ, «Тропою вечной мудрости».

У ХУДОЖНИКА Эжена Бюрнана есть замечательное полотно под названием «Лё Самди-Сен» («Святая суббота»). На нем изображены одиннадцать апостолов, собравшихся вместе за дверями, тщательно закрытыми из страха перед иудеями. На лицах учеников нет ни света радости, ни улыбки, ни отблеска надежды. Это вечер самого мрачного дня в их жизни.

Иисус покоится в могиле. Все надежды Его учеников похоронены вместе с Ним. «А мы надеялись было, — как бы говорят они, — что Он и есть Тот, Который должен искупить и спасти Израиль». «Мы верили, — как бы говорят они, — но теперь наша вера угасла. В Галилее, на берегах Галилейского озера мы были свидетелями Его силы, своими глазами видели Его славу в народе. На Голгофе мы слышали Его горестный крик, нам довелось увидеть Его предсмертную агонию. Затем Иосиф из Аримафеи взял Его тело и положил в гробницу. Итак, Иисус мертв».

Вот Петр: сидит, опустив голову на руки. Вот Иоанн, на лице которого отражена борьба противоречивых чувств, пытается утешить своего товарища, но он не в состоянии подыскать нужные слова. Лица учеников показывают их разочарованными, лишенными мужества, вконец озадаченными, расстроенными. Они все сбитые с толку, все заняты мыслями о будущем. И каждое лицо в группе по-особому выражает их общее настроение. Иисус мертв. «А мы надеялись было, что Он и есть Тот, Который должен избавить Израиль...»

Но, слава Богу! Как мы знаем, евангельская история не заканчивается со смертью Христа. Она не заканчивается Его торжественным восклицанием: «Свершилось!» Не кончается на этом и апостольская миссия. За смертью Христа следует Его воскресение. Иисус «родился от семени Давидова по плоти», но «открылся Сыном Божиим в силе, по духу святости, через воскресение из

мертвых». Он умер за наши грехи и был погребен и «воскрес в третий день, по Писанию». Таково, вкратце, изложение свидетельства Павла. Он основывает свою веру в воскресение Иисуса сначала на пророчествах и предсказаниях того, что Он **должен был воскреснуть**, а затем — на явлениях людям живого Искупителя, потому что Он **и в самом деле воскрес**. Он перечисляет эти явления по порядку, апеллируя и к своему собственному видению Воскресшего Христа на дороге в Дамаск, а затем делает следующее заключение: «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. Поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков».

С тонким пониманием характера свидетельства, и особенно этого свидетельства, Сидней Добелл писал: «Забота Павла о том, чтобы главный упор в своей проповеди сделать на Воскресение, служит для нас великим свидетельством. Эта забота использует разум Павла в качестве свидетельства. Он сам использует себя в качестве свидетельства о мире непознанного, как свидетеля неизвестных фактов. Так же и с другими апостолами. И само **неверие** апостолов, в сравнении с их последующей верою, и выбор Воскресения, как ключевого факта, являются неоспоримыми доказательствами другим неизвестным, но очевидным фактам».

Один из самых примечательных моментов в истории воскресения Христа, как она описывается в четырех Евангелиях, заключается в том, что все свидетельства очевидцев заостряют внимание читателя на **сомнениях** учеников Господа. Они находились в таком скептическом состоянии ума, что не готовы были принять что-либо из услышанного на веру. Женщины, [пришедшие поклониться гробу Господню, и увидевшие, что камень отвален, а могила пуста, «побежали от гроба; их объял трепет и ужас, и] никому ничего не сказали, потому что боялись» (Марк хvi. 8). Когда, затем, Мария Магдалина рассказала всем о том, что она видела воскресшего Христа, ей «не поверили» (Марк хvi. 11). И вот, Христос явился одиннадцати ученикам Своим на горе в Галилее, и некоторые, «увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились» (Матф. ххviii. 17). Апостол Фома находился в сомнениях на протяжении целой недели, и только после этого смог уверовать.

Вера апостолов в реальное воскресение Иисуса Христа была, таким образом, не слепой верой, а верой с открытыми глазами, основанной на совокупных и неопровержимых доказательствах. «Которым (апостолам) и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим»; «...Потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почил» (Деяния i. 3; 1 Коринфянам хv. 6). Ни у кого из числа апостолов не осталось и тени сомнения после вознесения Христа и великого дня Пятидесятницы. Они совершенно изменились, ибо Христос теперь оказался жив навеки. Его воскресение стало их живой надеждой. Оно превратилось в движущую силу их послания людям, но и не только — оно стало их ежедневным опытом. «Сего Бог воскресил в третий день, — говорит Петр, — и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с

Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых» (Деяния х. 40). «Ибо, хотя Он и распят в немощи, — пишет Павел, — но жив силою Божиею; [и мы также, *хотя* немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божиею в вас]» (2 Коринфянам хiii. 4). «Иисус Христос, — утверждает Иоанн Богослов, — есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных». Он является отныне живым навсегда. Смерть больше не имеет власти над Ним, ибо Он одолел смерть и принес жизнь и бессмертие, чтобы они получили освещение в Его Евангелии. Такова сила новой жизни во Христе. Он в каждом из верующих является надеждою на славу и тайною победы над грехом. Верующие распяты со Христом, они умерли и были погребены вместе с Ним, но вновь ожили в Нем, и живут теперь ради Него.

Утро воскресения проливает новый свет — свет вечности — на все вещи земные. Все и всё изменилось, теперь все люди стали другими из-за этой живой надежды, этой манифестации Божьей силы и победы Божией у той некогда опустевшей гробницы. Если какой-либо человек находится во Христе, то он — «новая тварь». Все старое прошло, все теперь новое в новом свете утра Воскресения. новый свет новой жизни взошел в утро воскресения.

«О, светоч вечности, Господень свет небес!
Хочу, чтобы на мрак вокруг твое сиянье проливалось,
Чтоб малое всегда мне малым представлялось,
Ну, а Великое, затмило б все окрест:
О, светоч вечности, Господень свет небес!»

Когда люди начинают осознавать присутствие в своей реальности живого Христа, все их жизненные ценности обуславливаются новыми стандартами. «Впредь я не буду ценить ничего из того, что у меня есть, или чем я владею, за исключением того, что имеет отношение к Царству Христову», — сказал Давид Ливингстон. Мы читаем в Евангелии от Иоанна, что «на том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб». Этот «сад» все еще ждет нас. Он цветет красными цветами жертвы Христовой. Все плоды Духа поспевают там. Сила Его воскресения воодушевляет людей оставаться перед глубочайшим мировыми печальями и заботами не теряя уверенности во Христе, Который знает и заботится о них, и лишь Он Один в состоянии удовлетворить их нужды.

Человеческое сердце жаждет двух вещей: искупления от греха и вечной жизни. Наиболее примечательный факт из сравнительной истории религий заключается в универсальной вере человечества в свое будущее существование после смерти и универсальной попытке задобрить богов или Бога всевозможными подношениями и жертвоприношениями. Христос удовлетворил обе эти нужды. Хотя фантазии о будущей жизни среди примитивных народов являются довольно грубыми, они реальны и занимают главенствующее место в мыслях этих людей. Само понятие «анимизм» означает превосходство души над миром материальных ценностей. Но ведь не только примитивные религии, а и все великие этические верования говорят о бессмертии и обладают природной тягою к вечным ценностям.

Люди верят в бессмертие, потому что существующей земной жизни присуще несовершенство. Они замечают, что характер нередко продолжает развиваться даже и тогда, когда способности уже начинают угасать. Люди верят в бессмертие, потому что чувствуют неумолкаемый ропот своих скрытых чувств и переживаний. Любовь сильнее смерти. Что-то внутри нас отзывается этому голосу вселенной, и души неизбежно двигаются вперед, по этому пути, к своему вечному дому. Все вещи неизбежно обращаются к сердцу Бога, к своему источнику, а также цели и завершению своего существования. «Тот, кто заявляет о существовании Бесконечного, — сказал Луи Пастер, — (а никто не может избежать этого вопроса), суммирует в своем утверждении больше сверхъестественного, чем можно найти во всех чудесах всех религий; ибо понятие бесконечности характеризуется такой двойной природой, которая притягивает себя к нам, и все же остается непостижимой. Когда это ощущение или чувство прикасается к нашему сознанию, нам остается только преклонить колени. Я повсюду вижу неизбежное проявление Бесконечности в мире; благодаря чему сверхъестественность существует на дне каждого сердца». Наука говорит о безграничном пространстве, о бесконечном времени, бесконечных числах, вечной жизни и движении. «Все соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца» (Екклесиаст iii. 11).

Смерть не более универсальна, чем стремление человеческой души к жизни, к еще большей жизни, к жизни с избытком, такой, на которую Иисус проливает свет посредством Своего благословенного воскресения и вознесения.

«Что там нам грусть ни говори,
Согрето сердцем изнутри,
Не хочет тело с жизнью расставаться.

Не смерти — жизни просим мы,
Мы жизнью воодушевлены,
И жизни каждый будет добиваться».

Эта же самая истина засвидетельствована и в верованиях древних этрусков, и в «Книге Мертвых» (которая в действительности является «Книгой Жизни») древних египтян, и в последнем своде законов Ману о переселении душ и об окончательном блаженстве. О ней же говорится и в детально разработанной популярной мусульманской эсхатологии; и даже в толкованиях нирваны у лучших ученых из буддистских школ.

Стремление всех народов к вечной жизни исполнилось во Христе, и только во Христе. Дело в том, что Иисус пролил для нас свет на вопросы жизни и бессмертия посредством Своей смерти и воскресения. Он дал нам уникальное послание, которое одно может решить проблемы всех грехов и печалей человечества.

Ревностные искатели истины из разных народов пытаются вести поиски в мире невидимого, прислушиваться к голосам, на самом деле хранящим безмолвие,

и жаждут пробиться в какие-то неуловимые миры и реальности. Поэтому их никогда не привлекало послание миссионеров, если только оно не было из мира потустороннего. У гробницы Лазаря Иисус проповедовал следующее Евангелие Воскресения:

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек».

В этом заключается и самая суть посланий Павла. Он проповедовал Христа и Его воскресение. Он не знал другого Евангелия, какой-то иной Благой Вести. «Напоминаю вам, братия, — писал он в Первом Послании Коринфянам, — Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали. Ибо я первоначально преподавал вам, что и *сам* принял, *то есть*, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию. [...] А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, *то есть*, мертвые не воскресают» (1 Коринфянам xv. 1-4, 14, 15). Иисус является победителем смерти. Он устраняет ужас перед могилою. Он проливает свет на вопросы жизни и бессмертия в Евангелии. Если только в этой жизни мы надеемся на Христа, то и наше послание, да и мы сами, оказываемся «несчастнее всех [человеков]». Но мы — посланники Победителя Греха и Смерти, бессмертного Царя Славы. Наша Благая Весть предназначена не только для этой жизни, но и касается вечности, и в этом ее непреходящая ценность. Все наши христианские институты, организации, объединения, ресурсы и методы являются всего лишь приспособлениями и средствами для достижения какой-то определенной цели. для земной жизни. В конце концов, все они являются лишь «лесами» для возведения нерукотворного строения, для храма вечности на небесах.

Евангелие социальной направленности имеет свое место и свою силу, ибо Христос пришел, чтобы исцелить сокрушенных сердцем и выпустить пленных на свободу. Мы не осмеливаемся пренебрегать этическим содержанием евангельского послания и суровыми требованиями, в нем содержащимися. Однако ничто не направлено так на личность каждого человека, как Благая Весть о воскресении.

Евангелие не является, как заявляют большевики, опиумом для бедных и несчастных, чьи головы пригнуты к земле богатыми и высокомерными. Евангелие учит нас, что все видимое преходяще, невидимое же вечно. Сегодня в мире полном несправедливости мы можем принять участие в страданиях Христа, дабы верою в Него достигнуть воскресения из мертвых. «Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, *которою* Он действует и покоряет Себе все» (Филиппийцам iii. 21).

Вечные ценности, находящиеся в скрытом, латентном состоянии у всех, кто верит в смерть и воскресение Иисуса Христа, являлись радостью и служили

воодушевлением для апостолов, святых и мучеников ранней христианской Церкви. Эти люди смогли завоевать этот мир для Христа, потому что презирали его. Они основали духовное царство в каждой стране, потому что были гражданами небес. Они положили основания для Церкви в каждом городе, потому что они были на этой земле «пришельцами и странниками» и искали повсюду признаки того «города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог».

Нет другого аспекта у общей христианской истины, которая нуждалась бы в ежедневном напоминании более чем эта. Разумеется, мы оказываемся сторонниками прогресса в теологии, если несем это послание Воскресшего Христа и вечной жизни нехристианскому миру. «Ибо за последние тридцать лет или около того, — говорит д-р Дайссман, — пронизательность эсхатологического характера Евангелия Иисуса Христа все больше и больше стала выходить на первый план в вопросах международной христианской теологии. Я считаю это одним из тех величайших прорывов, которых богословские исследования когда-либо добивались. Сегодня мы должны приложить максимум всех возможных усилий к тому, чтобы подчеркивать именно эсхатологический характер Евангелия: в провозглашении этого и заключается практическая задача Церкви. А именно, мы ежедневно должны фокусировать свое внимание на том факте, что Царство Божие приблизилось, что Бог с Его безусловным суверенитетом грядет через суд и искупление, и что мы должны подготовить себя внутренне к Его пришествию — к ситуации “Маранафа” — “Господь грядет!”»

В этом, разумеется, и состоит наше великое поручение, вечное Евангелие Того, Кто пришел, Кто умер на кресте, Кто восстал из мертвых, вознесся на небеса, и Кто вновь грядет. От Вифлеема и с Голгофы, из пустой гробницы и из-за облаков, что скрывают Его от наших взоров, струится свет вечности. Границы того великого эллипса, в котором заключено содержание нашей веры и нашего послания миру, могут быть раздвинуты так широко, насколько это возможно, но предначертано иметь, и он будет иметь, лишь два фокуса: Смерть и Воскресение Иисуса Христа, и их отношение к человеческим грехам и будущей судьбе человека. Это и есть Евангелие Воскресения.

«Такое сотворил, ужель не изумиться?!
Такое сотворит, ужель нам горевать?
Не стоит ли пред Ним всем нам скорей склониться,
И бремена свои у ног Его слагать?»

Пускай хвала Ему в очах у нас сияет,
И в радости и в горе — благодарим Христа!
И пусть же в наших душах не смолкает
Гимн вечной жизни Сшедшему с креста.

И чрез всю жизнь и смерть, чрез горести и радость,
Довольно видеть мне Христа — всему конец!
Он — потому конец, что Он — всему начало,
Он — Альфа и Омега, Он — жизни всей венец».

